

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Р.Б. Казаков

**ПРИЕМЫ ИСТОРИОПИСАНИЯ
В ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ
Н.М. КАРАМЗИНА**

Препринт WP19/2013/02

Серия WP19

Исторические исследования

Москва
2013

УДК 930.2
ББК 63.2
К14

Редактор серии WP19
«Исторические исследования»
А.Б. Каменский

К14 **Казаков, Р. Б.** Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина [Текст] : препринт WP19/2013/02 / Р. Б. Казаков ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 52 с. – (Серия WP19 «Исторические исследования»). – 150 экз.

В работе исследуются обстоятельства создания некоторых исторических сочинений Н.М. Карамзина (1766–1826), написанных до начала работы над «Историей государства Российского», а также его приемы анализа исторических источников и представления полученных знаний читателям.

УДК 930.2
ББК 63.2

Kazakov, R. Techniques of historical writing in N.M. Karamzin's historical writings [Text] : Working paper WP19/2013/02 / R. Kazakov ; National Research University "Higher School of Economics". – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. – 52 p. – (Series WP19 «Studies in History»). – 150 copies (in Russian).

We investigate the circumstances of the creation of N.M. Karamzin's historical works, written before the start of work on the "History of the Russian State" as well as its methods of analysis of historical sources and presentation of knowledge to readers.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Казаков Р. Б., 2013
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2013

«История государства Российского» – первое, что вспомнит читатель, увидев имя историографа Н.М. Карамзина. Исследователи назовут и другие его сочинения на темы русской и мировой истории; а его повесть «Бедная Лиза» входит в школьную программу. Но Карамзин-историк формировался не с момента начала работы над «Историей», а гораздо раньше. Его исторические представления складывались уже в первых переводческих опытах 1783 г., когда Карамзину не исполнилось еще и семнадцати лет. Начинающий литератор работал с произведениями, посвященными в первую очередь историческим событиям (начиная с идиллии С. Геснера «Деревянная нога» и, возможно, самого первого не дошедшего до нас перевода). И всякий раз это были сочинения, где основной авторский текст сопровождался редкими или многочисленными примечаниями, вводившими авторское повествование в контекст истории. Иначе говоря, свой творческий путь Карамзин начинал с сочинений, в которых задавался формат будущих научных трудов: основной текст сопровождается научно-справочным аппаратом к нему.

Становление Карамзина-историка проходило через знакомство с корпусом источников русской истории. Но каким образом это происходило в течение всей его жизни и – особенно – в годы до начала работы над «Историей», пока не очень известно.

В связи с этим представляется необходимым выявить элементы исторических представлений Карамзина с момента их формирования, приемы и практики его работы с источниками и представления полученных результатов читающей публике.

Приемы историописания Карамзина характеризуются на основе анализа сочинений Карамзина, посвященных истории России от древности до эпохи Екатерины II, написанных в основном до появления томов «Истории государства Российского». Тем не менее обращение в работе в том числе и к «Истории государства Российского» вполне естественно: многие приемы работы с источниками, представления об истории России и исторической науке вообще, которые складывались у Карамзина многие годы, наиболее полно и системно воплотились в годы создания текста «Истории» и масштабных Примечаний к ней.

I. Национальная история как часть европейской/ всемирной: корпус источников Н.М. Карамзина

Н.М. Карамзин подошел к созданию текста «Истории государства Российского», став в 1803 г. историографом, с уже сформировавшимися представлениями о месте русской истории в европейском и мировом контексте, а также о месте русской литературы среди литератур европейских. На страницах «Вестника Европы» (1802–1803 гг.) Карамзин, как отмечали исследователи, демонстрировал постоянный интерес к событиям «неевропейским» – Америке, Азии, Японии, островам Тихого океана и пр. Еще в 1792 г. Карамзин перевел для «Московского журнала» фрагменты «Шакунталы» Калидасы, сравнив его с Гомером: «Калидас для меня столь же велик, как и Гомер»¹. Литературный (а позже политический и исторический) процесс интересовал Карамзина именно во всемирном масштабе, причем Россия занимала в этом процессе едва ли не одно из центральных мест, что для конца XVIII в. было смелым и очень обязывающим заявлением. Карамзин и далее развивал это убеждение, иногда прямо его формулируя.

Для Карамзина не было сомнений в том, что история России – это часть европейской истории. В исторической науке, питавшейся идеями европейского Просвещения XVIII в. и осваивавшей принцип историзма (свойственный в полной мере карамзинским сочинениям)², естественны представления о том, что в России и в других европейских государствах протекают политические процессы одного порядка. Карамзин («этатист по убеждению», по словам Ю.Г. Алексева) отмечал общеевропейское значение процессов создания централизованных государств в XV в., поставив в один ряд с Россией Англию, Францию, Испанию, Португалию и почти все другие сколько-нибудь обширные европейские государства: «Иоанн явился на феатре политическом в то время, когда новая государственная система вместе с новым могуществом Государей возникала в целой Европе на развалинах системы Феодальной или Поместной. Власть Королевская усилилась в Англии, во Франции. Испания, свободная от ига Мавров, сделалась первостепенною Державою. Португалия цвела, приобретая богатства успехами мореплавания и важными для торговли

¹ Московский Журнал. 1792. Май.

² Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. Л., 1981. (XVIII век; Сб. 13).

открытиями. ... Беспечность и равнодушие Императора, Фридерика IV, не могли успокоить Германии, волнуемой междоусобиями; но сын его, Максимилиан, уже готовил в уме своем счастливую перемену для ее внутреннего состояния, которой надлежало возвысить достоинство Императорское, униженное слабодушием Рудольфовых преемников, и поставить Дом Австрийский на высшую степень отличия»³.

В характеристике европейских государств Карамзин выделил именно те черты, которые стали отличать Российское государство в период его складывания при Иване III. Краткие характеристики европейских государств, таким образом, задавали набор черт, присущих могущественной европейской державе, каковой, по Карамзину, была и Россия. Далее историк кратко и афористично нарисовал картину собирания власти и становления единого государства, следствием чего стало «то, что Россия, как Держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри, и не боясь врагов внешних»⁴.

Эти идеи Карамзина были глубоко выношены и сформированы еще задолго до начала работы над «Историей». В цельном виде они нашли отражение в работе над переизданием исторических сочинений М.Н. Муравьева (Карамзин провел значительную редакторскую работу в двухтомнике)⁵ в 1810 г. и в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» 1811 г. Последняя предназначалась на прочтение в кругу великой княгини Екатерины Павловны и императором и поэтому требовала наиболее убедительных аргументов в пользу своих представлений (в неявном виде эти идеи наблюдаются практически в каждом произведении Карамзина, имеющем хоть сколько-нибудь историческую проблематику). Сходство мыслей здесь очевидно: «Во глубине Севера, возвысив голову свою между Азиатскими и Европейскими Царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних Восточных нравов, принесенных Славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связию с Моголами, Византийских, заимствованных Россиянами вместе с Христианскою верою, и некоторых Германских, сообщенных

³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 1998. Т. 6. С. 207–208; Алексеев Ю.Г. «Отселе история наша приемлет достоинство истинно государственной. ...» // Там же. С. 378, 397.

⁴ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т. 6. С. 210.

⁵ Казаков Р.Б. Записи М.Н. Муравьева по русской истории и становление историописателя Н.М. Карамзина // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века. М., 2011. С. 18–20.

им Варягами»⁶. Но в своем безусловном европеизме Карамзин всегда подчеркивал и азиатскую составляющую природы Российского государства, закладывая основы будущих исторических и политических концепций.

В «Истории» европейский и мировой контекст задавался через широкое использование исторических сочинений европейских авторов. Так, «История» открывалась ссылкой на один из томов десятитомной «Географии» К. Маннерта (еще не оконченной печатанием в годы, когда Карамзин работал над первым томом своего труда), где комментировались сочинения древних авторов, дававших сведения о территориях будущего Российского государства. Заложённая исторической наукой XVIII в. традиция изучать Русскую Правду, сравнивая ее нормы с нормами западно-европейских «варварских правд», также получила свое новое развитие в труде Карамзина в смысле богатства и разнообразия привлеченных источников.

Он опирался и на некоторые документальные памятники европейского происхождения. В его руках были копии документов из Кенигсбергского архива с богатой и уникальной информацией о взаимоотношениях Новгородской земли и Российского государства с Ливонским орденом. Карамзин хорошо понимал ценность этих документов, выступив вместе с министром внутренних дел О.П. Козодавлевым инициатором проведения работ по их копированию, что и было сделано на казенные средства в 1808–1816 гг.⁷ Он обильно цитировал эти документы в «Примечаниях», хотя они и содержали сведения о бесчинствах русского войска в ливонских землях. Карамзин писал в тексте «Истории»: «Россияне целый месяц [февраль – март 1481 г. в Ливонии] делали, что хотели в земле его; жгли, грабили...», заключая этот сюжет: «Единовластие дало России такую силу, что бытие Ливонии уже находилось в опасности». В Примечаниях же он цитировал «мои Кенигсбергские бумаги», в том числе письмо магистра Ливонского ордена, где тот сообщал о чудовищных зверствах русских по отношению к мирному населению. Карамзин заключал: «Такие ужасы обыкновенно рассказывали неприятели друг о друге, что-

⁶ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / подг. текста и коммент. А.Ю. Сегеня; вступ. ст. Ю.М. Лотмана // Литературная учеба. 1988. № 4. С. 99.

⁷ Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в «Примечаниях». Раздел I / сост.: В.Ю. Афиани, Р.Б. Казаков, В.П. Козлов // Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. С. 357–358. № 32.

бы питать взаимную ненависть между народами. Историк замечает, но редко верит»⁸. Карамзин вполне мог пропустить этот фрагмент, но – «историк замечает». Точно так же он поступил, рассказывая о судьбе ливонских пленников, взятых Иваном Грозным в 1565 г. В Примечаниях он привел две выдержки из кенигсбергских бумаг с интересными подробностями о том, что Иван IV считал своих предков немцами⁹.

Пространное цитирование иностранных источников – дело не вполне обыкновенное для историографа. Чаще встречалась иная ситуация: большой фрагмент летописи, приведенный в Примечании, сопровождался глухой ссылкой на сочинения с именами европейских авторов. В данном случае Карамзин, видимо, понимал, что его «История» – это возможность сделать эти чрезвычайно важные документы достоянием читателей.

Публикация документа полностью, в отрывке или в переложении побуждала Карамзина к проведению источниковедческого исследования этого памятника. Разумеется, Карамзин никак не формулировал цели и задачи такого исследования, его этапы, однако в его штудиях в неотрефлексированном виде присутствуют практически все необходимые элементы комплексного исследования источника. Один из многих примеров представляет публикация договора Новгорода с немцами и Готским берегом XIII в. Карамзин сообщил об имеющейся публикации этого договора, отметил ее небрежность и привел перевод текста по более исправной копии. Пространная цитата из 244 примечания к третьему тому «Истории» содержит образец карамзинского исследования: «В Любекском Архиве нашелся латинский список договора Готландцев и немцев с Новымгородом, напечатанный Дреером в книге *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, с некоторыми выпусками и даже грубыми ошибками: что доказано верным, новым списком сей грамоты, недавно присланным из Любека к Е.С., Государственному канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцеву. Например, Дрер выпустил важные слова в конце трактата... Еще не видав сего нового списка (который будет скоро издан), Лерберг угадал истину (см. его *Untersuchungen*, стр. 239–272). ... Вероятно, что сей любопытный трактат писан скоро после времен Константиновых или около 1230 года; но действительно ли был принят и

⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 6. С. 103–104, 267–268, примеч. 258.

⁹ Комментированный список источников и литературы. С. 357–358, № 32; Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1843. Кн. III. Т. IX. С. 52; Примеч. С. 34–35. № 166.

утвержден Новгородцами? не думаю: ибо не находим в нем ни года, ни имен Князя, Посадника и Тысячского, которые обыкновенно означались в Новгородских грамотах... [далее Карамзин комментировал некоторые статьи договора. – *Р. К.*] Однако ж во всяком случае памятник наших купеческих связей с Германиею, ознаменованный печатью древности, стоит замечания, изображая путь и средства Немецкой торговли в северо-западных областях России. Мы не усомнились внести некоторые обстоятельства сего договора в нашу Историю»¹⁰. Карамзин подробно описывал обстоятельства происхождения договора и существующие его копии, историю их бытования и приемов публикации, обозначал и сложившиеся традиции изучения этого источника. Он предложил свой исторический комментарий к отдельным положениям договора, определил его место в кругу аналогичных источников и его значение для отечественной истории. Публикуя договор, Карамзин давал оригинальные латинские эквиваленты к переводу и сообщал некоторые лингвистические наблюдения.

По-видимому, убеждение о принадлежности российской истории более широкому европейскому контексту, формировании Российского государства, сплавившего в себе черты европейские и азиатские, сформировались у Карамзина в детские и юношеские годы и далее на протяжении всей жизни уже не менялись, а лишь обогащались новым житейским и исследовательским опытом. «История государства Российского» представляет собой наиболее фундированный и источниковедчески оснащенный опыт изложения российской истории как части мировой.

«История» стала первым обобщающим трудом по истории России значительной хронологической протяженности, известным в переводе европейской читающей публике, которая до этого знала лишь некоторые труды российских историков XVIII в. Карамзин гораздо более широко, нежели его предшественники, опирался на труды европейских авторов и историков нового времени, видя в их сочинениях образцы историописания¹¹. В.П. Козлов обратил внимание на то, что «впервые после Татищева в труде по отечественной истории был столь широко представлен

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1991. Т. 2–3. С. 469, 603–607, примеч. 244.

¹¹ Космолинская Г.А. Об иностранных источниках «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 172–176; Она же. Польские исторические нарративы в *Истории государства Российского* Н.М. Карамзина (к вопросу о польском влиянии в русской историографии) // *Slavia orientalis*. 2000. Т. XLIX. № 2. С. 187–205 и др.

комплекс источников иностранного происхождения, большую часть которого историограф почерпнул из различных английских, французских, итальянских, немецких публикаций XV–XIX вв.»¹².

«История государства Российского» формировала каноны научного исторического сочинения, в котором источниковедческим штудиям уделялось столь же много внимания, сколь и собственно историческим сюжетам. Обращая внимание читателей в Предисловии на образцовые, с его точки зрения, европейские исторические труды, Карамзин располагал и свое сочинение в этом ряду, задавая принципы построения текста и критерии научности такого рода произведения¹³.

В годы, когда сочинялась «История», в российской исторической науке уже существовал корпус исследований в области нумизматики, палеографии и других дисциплин, которые позднее будут названы вспомогательными. В этих исследованиях ученые демонстрировали не менее, а даже более изощренные приемы изучения своих источников, нежели у Карамзина. Но такого уровня профессионального мастерства исторического сочинения, где на хронологическом пространстве в тысячу лет присутствовали бы все известные тогда типы источников (по современной их классификации) и все основные виды письменных источников (и сейчас составляющих основу любого университетского курса исторического источниковедения) вместе с их исследованием и опытом интерпретации, в России до «Истории» Карамзина не было.

Обращение к карамзинским приемам изучения европейских источников в сравнении с российскими позволяет проследить истоки метода источниковедения, в основе которого лежал опыт чтения трудов античных и европейских авторов, опыт чтения и перевода произведений европейской изящной словесности эпохи Просвещения, опыт наблюдения европейской жизни и достопамятностей во время путешествия по Европе, и, конечно же, опыт работы с источниками.

¹² Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999. С. 142.

¹³ Казаков Р.Б. О классификации источников в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Гістарычныя крыніцы: Праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання: Матэрыялы да Міжнароднай навукова-практ. канф. / рэдкал.: С.М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. Мінск, 1998. С. 25–27; Шмидт С.О. «Примечания» в книгах «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина – веха в развитии исторической науки и книжной культуры // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: тез. докл. и сообщений. М., 2001. С. 33–36.

Благодаря трудам русских историков XVIII в., среди которых было немало уроженцев западноевропейских государств, и Карамзина, в России в первой четверти XIX в. складывалась национальная историческая традиция, которая вбирала и творчески перерабатывала опыт европейской науки, формируя свою особость. Она заключалась в принципиальном внимании к корпусу источников, составляющих основу исследования. «История» Карамзина являет собой опыт представления широкой читающей публике полученного нового научного знания на этапе формирования дисциплинарного статуса, проблемного поля и места исторической науки в контексте отечественной и европейской культуры.

II. К истории создания «Исторического похвального слова Екатерине II»: представления об идеальном монархе и приемы историописания

Представления Н.М. Карамзина об идеальной монархии и просвещенном монархе в целом соответствуют представлениям эпохи Просвещения, частью которой Карамзин являлся. Хорошо известные Карамзину сочинения европейских просветителей, задавали основные характеристики идеальной империи, формулировали цели, ради достижения которых должен работать просвещенный монарх. Однако в какой степени таким идеальным монархом для Карамзина была Екатерина II – вопрос, требующий тщательного анализа.

Непростые обстоятельства карамзинской биографии в эпоху Екатерины II были известны современникам. Их в допустимой степени пытался зафиксировать в своем двухтомнике о Карамзине М.П. Погодин. Рукопись двухтомника, составленная на основе материалов, собиравшихся Погодиным с конца 1830-х гг. (возможно, с конца 1820-х гг.) при помощи родных и друзей Карамзина, была готова к 1865 г.¹⁴ Затем ее читали в семье Карамзина. Замечания на полях рукописи от имени семьи де-

¹⁴ Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: материалы для биографии. М., 1866. 2 ч.; Казаков Р.Б. Об издании М.П. Погодиным биографии Н.М. Карамзина // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 73–76.

лались, по-видимому, К.С. Сербиновичем. Погодин иногда вносил исправления по замечаниям и передавал текст М.А. Дмитриеву. Свои часто весьма резкие суждения и ответы на записанные здесь же вопросы Погодина Дмитриев тоже оставлял на полях. Его мнение было последним и во многих случаях решающим. Рукопись сохранилась в архиве Погодина¹⁵.

Погодин подробно писал о принадлежности Карамзина к масонской ложе, часто отступая от хронологического изложения фактов и пускаясь в рассуждения по данному поводу. Текст, где говорилось о том, что масоны были на подозрении у правительства и что последнему было известно о принадлежности Карамзина к обществу, были перечеркнуты, а на полях рукою Сербиновича (?) написано: «Кажется излишним, тем больше, что не согласно с характером Карамзина. Это будет сказано ниже в своем месте». Погодин спрашивал Дмитриева на полях рукописи: «А вы как думаете, М.А.? Мне кажется замечание [Карамзиных несправедливо] и что эти слова [должно] оставить». Мнение Дмитриева было однозначно: «Решительно лишнее. Политических собраний конечно не было; а всего вернее, что любил ясность, т.е. простую наглядность. Карамзин ум был не глубокий, а ум исследователя, ум анализа, а не ум синтеза. Это показывает и его история». Погодин исключил из книги свои рассуждения¹⁶.

Упомянув об аресте Новикова, Погодин назвал его «первым покровителем» Карамзина. Сербинович возразил на это: «Почему первый? А Тургенев? При том же и не покровитель, а скорее ободритель таланта, употребленного [нрзб] общества». На вопрос Погодина, стоит ли заменить фразу другой, Дмитриев отвечал: «Найти другое слово. Можно и просто: над Новиковым». В окончательном тексте стояло: «гроза разразилась над Новиковым». Далее Погодин рассуждал: «Не гонение ли на масонов побудило его напечатать именно в это время подробную биографию знаменитого обманщика Калиостро, которого и сама императрица старалась изобличать». Сравнение масонов с известным авантюристом применительно к биографии Карамзина, да еще и со ссылкой на Екатерину II вызвало резкие возражения и семьи, и Дмитриева. Текст был перечеркнут, и от имени семьи написано: «Но какое же может быть сравнение между обманщиками и людьми добросовестными, увлечен-

¹⁵ ОР РГБ. Ф. 231/1. Кн. 16. Д. 1. В квадратных скобках приведены предположительные чтения неразборчивого текста на полях рукописи.

¹⁶ Погодин М.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 169.

ными в секту? Думаем исключить». Погодин объяснял свои слова так: «Я написал не в том смысле, но противники их смешивали. Ожидаю также и здесь вашего мнения», а после мнения Дмитриева «непременно исключить» убрал этот эпизод из книги¹⁷.

Видимо, Погодину не до конца были ясны мотивы прекращения в 1792 г. издания «Московского журнала». Он писал: «Екатерина, следившая зорко за всеми явлениями литературы, принимавшая даже сама деятельное участие в ее успехах, не обратила своего внимания на Карамзина, на переворот, совершенный им пред ее глазами, прославлявший ее царствование *наравне с победами Румянцева, Потемкина и Суворова, с законами Вяземского, Бецкого, Безбородко, с сочинениями Державина, Фон Визина, Богдановича*» [выделенное исключил из текста Погодин. – Р. К.]. Погодин считал, что это не было похоже на Екатерину, хотя сказывался и возраст, и события во Франции. Он писал: «Невнимание должно было огорчать и смущать Карамзина. Это страничка с тенью в истории Екатерины! Никакими вероятными подозрениями оправдать ее нельзя». Дмитриев, не требуя сокращений, заметил: «Стара была: да в этих годах 1791–1792 ей было не до литературы. А может быть после Новикова и начала бояться литераторов»¹⁸.

Погодин продолжал рассуждать о причине закрытия «Московского журнала», предполагая ее в той «срочности», с какой приходилось работать Карамзину, чтобы не опоздать с выдачей подписчикам очередного номера журнала, составленного по большей части из произведений самого Карамзина: «Как бы то ни было, мы можем заметить, что срочности он не боялся, и чрез десять лет опять принялся за издание журнала». На это последовала совсем уж резкая запись от имени семьи: «Срочности он не боялся, но точно тяготился ею. И нет причины доискиваться чего-либо иного» [подчеркнуто писавшим. – Р. К.]. Однако Погодин не сделал никаких купюр.

Опубликованный двухтомник не производит впечатления хорошо обработанного редакторски. Известно, что Погодин хотел дать третий том биографии, а в личном экземпляре книги сделал многочисленные исправления и приписки на полях. Встречаются в тексте и повторы, где Погодин как бы возвращался мыслью назад, например, рассказывая об «Историческом похвальном слове Екатерине II»: «К чести его надо припомнить, что он здесь совершенно забыл несправедливость покойной

¹⁷ Погодин М.П. Указ. соч. Ч. 1. С. 201.

¹⁸ Там же. С. 214.

Государыни в отношении к нему самому или объяснил ее беспристрастно естественностию ее подозрений, теми тревожными обстоятельствами и опасениями, среди которых она провела последние года своей жизни» [подчеркнуто Дмитриевым. – *Р. К.*]. Дмитриев поставил здесь знак вопроса и приписал: «Какая же это несправедливость. Если бы были гонения – это другое дело. А то не читала его сочинений, не занималась ими; так это и несправедливость? – Чудное понятие о таких людях, как Екатерина? Помилуйте! и старая, и франц. революция, да еще читай молодых авторов!». На слова Погодина о Карамзине: «...он умел возвыситься над личностями, частностями и мелочами и хотел только почтить благодеяния, разлитые Императрицею Екатериною в отечестве...» [подчеркнуто Дмитриевым. – *Р. К.*] Дмитриев заметил: «Да неужели Кар. должен был еще мстить Екатерине за то, что не читала его сочинений? – Чего тут возвыситься?» (так!) и добавил: «Лучше бы не рассуждать, а просто рассказывать». Вопреки мнению Дмитриева Погодин оставил этот текст без изменений¹⁹.

«Историческое похвальное слово Екатерине II»²⁰ – «яркий публицистический трактат» (П.Н. Берков) в жанре ораторской прозы, отсылавший читателя к античным образцам красноречия, Н.М. Карамзин написал и опубликовал сразу после восшествия на престол Александра I. Хотя «Слово» нашло своего заинтересованного читателя и критика (П.Н. Берков полагал, что пушкинские заметки о XVIII в. – это прямая полемика с Карамзиным; о «Слове» писали П.А. Вяземский, М.П. Погодин, В.О. Ключевский), а затем и исследователей, не раз обращавшихся к анализу этого крупного произведения Карамзина, нужно сказать, что до сих пор «Слово» изучено недостаточно. Исследователи давно обратили внимание на то, что на рубеже XVIII–XIX вв. Карамзин намеревался сочинить похвальное слово Петру Великому; появились даже наброски с характеристикой Петра и его преобразований, но результатом стало похвальное слово Екатерине II. Ю.М. Лотман увидел здесь связь с событиями Французской революции. Наиболее подробно «Слово» анализировала Л.Г. Кислягина, а позднее, впрочем, весьма небрежно – Д.В. Ермашов и А.А. Ширинянц²¹. Хотя «Слово» и заняло свое место в

¹⁹ Там же. С. 326–327.

²⁰ Карамзин Н.М. Сочинения: в 3 т. / изд. А. Смирдина. СПб., 1848. Т. 1. С. 275–380.

²¹ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 239–240, 279–280; Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина (1785–

биографиях Карамзина, до сих пор значение этого произведения для карамзинского наследия, особенно в связи с другими его крупными сочинениями, полностью не раскрыто. Не прояснены ни замысел самого сочинения, ни обстоятельства и тематика «Слова», ни цели, которые ставил перед собой историограф, отсутствует и текстология «Слова».

Карамзин написал «Слово» в 1801 г. и опубликовал его отдельным изданием в 1802 г. – в период, когда он уже был признан первым литератором России, но еще не назначен историографом с заданием написать масштабную отечественную историю. Это годы, когда Карамзин начал издавать «Вестник Европы» – журнал литературно-художественный и общественно-политический со значительной долей публикуемых материалов на темы современного политического положения в мире и положения России как крупнейшей и сильнейшей мировой державы, воспринимаемой им безусловно европейским государством. Это годы усиленных занятий русской историей. В этом смысле «Слово» может интерпретироваться как произведение, пограничное между собственно литературной деятельностью и сугубо историческим сочинительством (при всей условности такого разграничения), и в то же время как произведение, в котором нашли воплощение литературный талант Карамзина и его размышления о российской современности, быстро становившейся историей. Выпуская «Слово», Карамзин не был оригинальным. И.В. Курукин называет около десятка подобных сочинений, вышедших в первые годы царствования Александра I и содержащих – наряду с хвалами – и отзвуки иных точек зрения на эпоху Екатерины II²².

Однако в творчестве Карамзина «Историческое похвальное слово Екатерине II» занимает особое место, поскольку после этого он только однажды предпримет попытку историко-политологического анализа государственности современной России в форме объемного сочинения – в записке «О древней и новой России». Оба сочинения были адресованы в первую очередь Александру I, однако обстоятельства их появления существенно отличались.

1803 гг.). М., 1976. С. 152–186; Она же. Формирование идеи самодержавия в политической концепции Н.М. Карамзина // Вопросы методологии и истории исторической науки: Сб. ст. М., 1977. С. 145–156; Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999.

²² Курукин И.В. Из истории текстов посмертных биографий Екатерины II // Мир источниковедения. М.; Пенза, 1994. С. 202–204.

В «Слове» Карамзин впервые целостно сформулировал свои представления о современной ему России с глубокими экскурсами в ее историю, как бы задавая программу будущей «Истории государства Российского», а также записки «О древней и новой России»²³. В общих чертах обстоятельства сочинения «Слова» известны. Вместо предполагавшегося похвального слова Петру Великому после воцарения Александра I появилось похвальное слово Екатерине II. Как уже говорилось, этот шаг в биографии Карамзина воспринимался исследователями как неожиданный.

Можно попытаться выделить три уровня понимания данного произведения. Только те читатели, которые не подозревали о сложном отношении историографа к императрице и событиям ее царствования, современником которых он был, могли увидеть в «Слове» восхищение Екатериной II и хвалы ее деяниям. Это первый уровень понимания текста, и, видимо, таких читателей было немного. Во всяком случае, их трудно было бы найти среди друзей и коллег историографа, близко его знавших. Гораздо чаще встречается другое суждение о «Слове», обусловленное его толкованием на более глубоком уровне понимания: в «Слове» Карамзин хотел нарисовать программу будущего царствования. В данном контексте «Слово» воспринимается как урок Александру I, как наставление о задачах и правилах его правления. Такова устойчивая традиция, и она вполне удовлетворительна, если изучать «Слово» вне его связи с другими сочинениями Карамзина, вне контекста его творчества на протяжении всей жизни. Если же попытаться увидеть «Слово» в контексте иных сочинений Карамзина, то выявляется еще один уровень понимания данного текста, может быть, наиболее глубокий и в наибольшей степени выражающий настоящую цель написания этого сочинения – стремление в систематическом виде выразить свои представления о том, каким должно быть государство (Российская империя) в его идеальном состоянии. «Слово» – это, скорее, не наставление Александру I, не собрание примеров для него, а собственные глубинные и имеющие долгую историю размышления Карамзина о настоящем и о том, каким его хочется видеть.

²³ Берков П.Н. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века // Пушкин. Исследования и материалы. М., 1962. Вып. 4; Казаков Р.Б. Идеальное государство в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй» Н.М. Карамзина: проблемы источниковедения // Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы. М., 1999; Кросс Э.Г. «Вестник Европы» Н.М. Карамзина. 1802–1803 // Вестник Европы. 2002. № 6 и др.

Интерпретация Слова именно как опыта формулирования собственной исторической концепции, реализовавшегося затем в «Вестнике Европы», «Истории» и записке «О древней и новой России», делает понятным, почему у Карамзина родилось панегирическое сочинение в адрес Екатерины II, а не Петра Великого, как он задумывал раньше. Можно предположить, что для Карамзина как мыслителя было не столь важно, кому будет посвящено «Слово» – Петру или Екатерине. Важнее было сформулировать и выразить свои представления целостно и системно, изложив их в виде законченного произведения.

Важно также обратить внимание на видовые особенности этого произведения. «Слово» относится к весьма разветвленному и сложному по структуре виду письменных источников – публицистике. Похвальное слово выражает отношение к герою и эпохе определенной социальной группы и рассчитано на немедленное восприятие социумом. Отсюда восклицания и обращения «Сограждане!», свойственные устным выступлениям. Карамзин прекрасно понимал, что «Слово» будет опубликовано и что его прочтет в первую очередь самый главный читатель таких произведений – Александр I.

Все крупные произведения Карамзина «Письма русского путешественника» и «Московский журнал», «Слово» и произведения «Вестника Европы», а затем и «История» с написанной в этот же период Запиской разрабатывают, по сути, одну глобальную тему, гуманистическую по своему наполнению. Карамзин размышлял о том, каким образом государство должно обеспечивать благоденствие своих подданных. Главная цель государства и монарха (именно монархия, по мнению Карамзина, наиболее подходит для достижения этой цели) – обеспечить благо своего народа: в этом Карамзин был убежден всю свою жизнь. Это убеждение, сложившееся под воздействием идей европейского Просвещения, придавало натуре Карамзина цельность, сохранившуюся до конца его дней и явно ощущавшуюся окружающими.

Тема государства и его нравственного смысла и – в связи с этим – цели существования – сквозная для всего творчества Карамзина. Без нравственного начала государства «упадают»: так произошло с Новгородской республикой в правление Ивана III в результате всеобщего падения нравственности – и личной, и «государственной».

Структура «Слова» отвечает карамзинским представлениям о том, как выглядит государство, основанное на законах нравственности. «Сограждане! Екатерина бессмертна своими победами, мудрыми законами

и благотворительными учреждениями: взор наш следует за нею на сих трех путях славы». Идеальная монархия для Карамзина та, которая умеет себя защитить: «Слабый народ трепещет; сильный под эгидою величия свободно наслаждается политическим бытием. Сия истина рождает правила для Монархов. Исчезни память кровожадных Аттил, которые хотели побеждать единственно для славы побед! но цветы имя Героев, которые разили врагов отечества и победами запечатлели его благоденствие! Петр и Екатерина хотели приобретений, но единственно для пользы России, для ее могущества и внешней безопасности, без которой всякое внутреннее благо не надежно»²⁴.

По Карамзину государство должно уметь успешно решать и внутриполитические проблемы. Именно последним уделено основное внимание и две трети объема работы. Внутриполитическая деятельность обеспечивается «мудрыми законами» и умелым управлением с устройством системы учреждений, которые обеспечат выполнение нравственных задач государственной деятельности. Под этим углом зрения рассматриваются проведенные реформы: деятельность Уложенной комиссии и Наказ, губернская реформа, Жалованная грамота дворянству. Особое внимание уделено учреждениям государственной благотворительности (социальное призрение: Воспитательный дом, учебные заведения, вообще управленческая деятельность на ниве просвещения народа).

Основой и необходимым условием для таких преобразований становится законодательная деятельность монарха. Своеобразие позиции Карамзина заключалось в том, что защиту от злоупотреблений со стороны чиновников и руководителей разного уровня (в том числе, и от законодательных злоупотреблений в виде противных благу народа законов) Карамзин видел в личности монарха – гаранта блага для своих подданных. Он ясно выразил это позднее в Записке. Монарх ничем не может быть ограничен, тем более законами, которые примет какой-либо властный орган. Но монарх при этом обязательно будет выполнять нравственные законы, по которым живет все государство, и сам первый должен их исполнять.

«Екатерина бессмертна своими победами...». Основным конфликтом, с которым сталкивалось идеальное государство, – были войны. Вряд ли будет оригинальным утверждать, что война как константа повседневно-сти сопровождала Н.М. Карамзина, как и любого человека, жившего во

²⁴ Карамзин Н.М. Сочинения: в 3 т. Т. 1. С. 281, 282.

второй половине XVIII – первой четверти XIX в., постоянно на протяжении всей жизни. Известно, что первые впечатления детства Карамзина складывались именно под воздействием военного времени – семья должна была бежать и спастись от восставших пугачевцев. Естественным было и то, что ребенок с захватывающим вниманием слушал рассказы отца и его друзей – отставных офицеров – о военных подвигах их молодости. Столь же естественным и вполне понятным была запись младенца в Преображенский полк, а затем и появление юного Карамзина в полку. Казалось, далее последует вполне предсказуемая успешная карьера военного, учитывая ее начало в гвардии. Но в 1784 г. в семнадцать лет Карамзин вышел в отставку и более никогда не служил. Он и в автобиографии, впрочем, весьма краткой, о военной службе написал одной фразой: «Служил в гвардии» и строчку эту не поправлял, хотя сам текст автобиографии носит следы правки, подчеркиваний и зачеркиваний строк²⁵. И в последующие годы война оставалась значимой составной частью его жизни. Интересно проследить, какой война предстает в произведениях Карамзина, насколько в восприятии войн разных эпох Карамзин остается человеком эпохи Просвещения.

В «Слове» именно военная риторика применяется Карамзиным, чтобы описать вступление Екатерины на трон: «Уже на безсмертном мраморе Истории изображен сей незабвенный день для России: удерживаю порыв моего сердца описать его величие... Красота в образе воинственной Паллады!... вокруг блестящие ряды Героев; пламя усердия в груди их!... пред Нею священный ужас и Гений России!... Опираясь на Мужество, Богиня шествует – и Слава, гремя в облаках трубою, опускает на главу Ея венки лавровый!...»²⁶. Именно военная слава и величие, сравнимое с величием Афины Воительницы, есть для Карамзина главная характеристика века Екатерины.

Первая часть «Слова» целиком посвящена прославлению военных побед полководцев императрицы. Карамзин обращает читателя к хорошо известным и понятным ему (просвещенному читателю, в первую очередь, образованному дворянину) образам античных героев, прославленных военными подвигами – бессмертие и величие подвигов екатерининских полководцев становится понятным, если сравнивать их с подвигами героев республиканского Рима: Фабрициев, Сципиона, героев древней Греции: «Ликурговых и Солоновых питомцев», Мильтиада, Аристиды,

²⁵ Он же. Сочинения: в 2 т. Л., 1984. Т. 1. С. 52–53.

²⁶ Он же. Сочинения: в 3 т. Т. 1. С. 281.

Фемистокла. Но если античные герои были известны читающей публике по переводам античных авторов на русский или любой другой европейский язык, то обращение к образу Ивана Грозного свидетельствует о значимости для Карамзина и для читающей публики русской истории: «Что начал Иоанн Грозный, то довершила Екатерина Великая» – о присоединении Крыма²⁷. Еще один важный аспект этого памятника публицистики: и герои древней Греции, и герои республиканского Рима, и подвиги эпохи Ивана Грозного актуальны в соединении с обращением к примерам из современности. Так, благоденствие приобретенных силой русского оружия украинских и причерноморских территорий сравнимо с благоденствием Швейцарии и «долин Пиемонтских».

Для Карамзина закономерна логика: «Екатерина Завоевательница стоит на ряду с первыми Героями вселенной; мир удивлялся блестящим успехам Ея оружия – но Россия обожает Ея уставы, и воинская слава Героини затмевается в Ней славою Образовательницы государства. Меч был первым властелином людей, но одни законы могли быть основанием их гражданского счастья; и находя множество Героев в Истории, едва знаем несколько имен, напоминающих разуму мудрость законодательную». Однако мудрость и дальновидность монарха проявляется и в умении избегать ненужных кровопролитий, поэтому Карамзин подчеркивал умеренность и невоинственность Екатерины, способной на компромиссы, например, на мир с Османской империей в момент выгодного военного положения России. «Не только благо нашего отечества, но и благо целого мира утверждено победами Екатерины. Давно ли еще зная лжепророка грозило стенам Венским? Новый Магомет II мог быть новым истребителем государств европейских... Теперь варвары уже неопасны для Европы... И сия безопасность есть дело Великой Екатерины, которая потрясла и отчасти разрушила сей колосс ужасный»²⁸.

Спустя десять лет в записке «О древней и новой России», Карамзин точно так же скажет о складывании государства, прежде всего, за счет военных побед: «Что произвело феномен столь удивительный в Истории? Пылкая, романическая страсть наших первых Князей к завоеваниям и единовластие, ими основанное на развалинах множества слабых, несогласных Держав народных, из коих составила Россия. Рюрик, Олег, Святослав, Владимир не давали образумиться Гражданам в быстром те-

²⁷ Там же. С. 287.

²⁸ Там же. С. 301.

чении побед, в непрестанном шуме воинских станов, платя им славою и добычею за утрату прежней вольности, бедной и мятежной.

В XI в. Государство Российское могло, как бодрый, пылкий юноша, обещать себе долголетие и славную деятельность. Монархи его в твердой руке своей держали судьбы миллионов; озаренные блеском побед, окруженные воинственною, благородною дружиною, казались народу полубогами, судили и рядили землю, мановением воздвигали рать и движением перста указывали ей путь к Воспору Фракийскому, или к горам Карпатским». Идея Записки выражена в словах: «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» и еще выше: «Таким образом, история наша представляет новое доказательство двух истин: 1) для твердого самодержавия необходимо Государственное могущество; 2) рабство Политическое не совместно с гражданскою вольностию»²⁹.

Жанровые особенности «Слова» не позволяли сопроводить его исследовательским аппаратом (что Карамзин мог уже вполне профессионально делать), но анализ текста «Слова» помогает эксплицировать карамзинские представления об империи и имперском пространстве.

Географические реалии «Слова», встречающиеся во всех трех частях и предисловии, — это Россия, Империя, «наше отечество» и им подобные. Имперский пространственный контекст, который затем не ослабевал на протяжении всего «Слова», был задан уже в предисловии: «все безчисленные народы царств Российских», «И те, которые, скрываясь во мраке отдаления — под тению снежного Кавказа, или за вечными льдами пустынной Сибири...». Имперский пространственный контекст обычно сопровождает имя Екатерины.

Более всего упоминаний различных географических реалий в первой, «победной» части «Слова». Заметно стремление Карамзина воспользоваться античными эквивалентами географических наименований: «Понт Эвксинский», «древняя Республика» (о Риме), «Константинополь», «град Константина», «новый Рим» (о России), «щастливые берега Ладона» (о природе Крыма и Малороссии), «Таврида», «Лакедемон». Примеры из античной истории, хорошо известные читателю, подчеркивали величие побед российского оружия: «Рим имел Сципионов Африканских, Азиатских <...> и Россия имеет своего Задунайского, Чесменского, Крымского». Это можно объяснить жанровыми

²⁹ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском от-
ношениях. С. 97, 99.

особенностями произведения с обращением внимания читателя к античной классике, а также устойчивыми культурными практиками сравнения и отождествления Екатерины II с героями и героинями античной мифологии. И все же Карамзин использовал вполне понятные и современные географические наименования, когда переходил от риторических восклицаний к рассказу о реальных событиях и говорил о победах Румянцева, Суворова, российских флотоводцев, упоминал недружественные России государства. При этом впечатление усиливалось употреблением эмоциональных оборотов: «природный и вечный неприятель Христиан» (Османская империя), «некогда мощная Республика» и «наглая и злобная Польша», «Готфы, неохотные исполнители беззаконной воли» (Швеция короля Густава).

В меньшей степени географические реалии присутствуют в третьей, «учрежденческой» части, что тоже понятно: здесь речь шла об учебных и научных заведениях и иных учреждениях, основанных при Екатерине II. Карамзин называл Москву «древней столицей Российской», говоря о Воспитательном доме, упоминал Смольный институт и Воскресенский монастырь, сравнивал офицеров Морского корпуса, отправлявшихся «в отдаленности Океана, в другие части мира», с «мореходцами Альбиона», упоминал географические объекты, изученные академиками императорской Академии наук. И здесь присутствовали отсылки к «античной» географии.

Географическая номенклатура второй, «законодательной» части ярко иллюстрирует мысль, которую Карамзин проводил настойчиво и иногда настолько демонстративно, что в его убежденность трудно поверить: спасительным государственным устройством для России может быть только самодержавие, и все внутригосударственные реформы Екатерины II способствовали процветанию обширной Империи и ее подданных. Пространство Империи — это «пустыни сибирские», «многие обширные страны, обогащенные Natuurою, но пустые, ненаселенные», куда приглашены иностранцы, «и звук секиры раздался в диких лесах; пустыни оживились людьми и селениями; плуг углубился в свежую землю, и Природа украсилась плодами трудов человеческих», «так среди волнистых степей Царицынских цветет теперь мирная Колония Евангелического Братства, <...> действует своим просвещением на соседственные дикие народы...».

Созыв Уложенной Комиссии, «Наказ» и губернская реформа — эти события позволили Карамзину выстроить картину Империи, простран-

ства которой необъятны и населены не только славянами, финнами, мирными пастырями южной России, камчадалами, одетыми в звериные кожи, но даже «Лапландскими Ихтиофагами». Депутаты Уложенной Комиссии представляли соединившиеся «в древней столице нашей» «обе гемисферы земли», что сделало Москву «тогда столицей вселенные, и собрание Российских Депутатов сеймом мира». Имперское пространство становилось не только необъятным в земном смысле слова, но и необозримым вселенски. Постоянно присутствовавшее обращение к античным образцам задавало соответствующий культурный и исторический контекст. Но не стояли ли за «космической» характеристикой империи сложно эксплицируемые представления об отражении небесного устройства в земной империи, в данном случае — именно Российской?

Трудно поверить, что Карамзин всерьез считал европейские республики дикими и варварскими; этому противоречит текст «Писем русского путешественника» и некоторые письма Карамзина 1825 г. Тем не менее в «Слове» республиканское устройство присуще местам «диким и неприступным» в «снежных Альпийских громадах, среди острых гранитов и глубоких пропастей...». Республиканцами могли быть жители Спарты и «диких Кантонов Гельвеции» (такие характеристики швейцарцев разительно отличаются от первых переводов Карамзина, в особенности от его собственных примечаний к тексту поэмы А. Галлера «Происхождение зла»³⁰), российские подданные могли жить только в Империи. Доказательством для Карамзина была история Рима: «Рим, которого именем целый мир назывался, в едином самодержавии Августа нашел успокоение...».

От автора «Слова» не следовало ожидать искренности ни в отношении адресата «Слова», ни по отношению к самому себе. За требованиями жанра можно было скрыть свои реальные мысли и чувства. Но обстоятельства создания «Слова», его композиция и язык заставляют исследователя задумываться о сложности и многослойности политических представлений и пристрастий Карамзина, в частности, представлений об идеальной монархии, свойственных ему на протяжении всей жизни.

³⁰ Галлер А. О происхождении зла, поэма великого Галлера / пер. с нем. М., 1786.

III. Москва – «столица вселенные» в пространстве истории и в пространстве империи

Древняя столица – постоянный объект внимания Н.М. Карамзина. Отмечу, что всего два российских города стали местом действия в отдельных сочинениях Карамзина: Москва и Новгород. Таких произведений нет о Санкт-Петербурге или, скажем, о Киеве. Насколько «московские» сочинения Карамзина – исключительно о Москве и ее истории, а не об истории России как истории европейской? Можно ли выделить у Карамзина специфический «московский текст» в его творчестве? Видимо, такой «московский текст» будет у Карамзина заведомо российским и помещенным в контекст европейской истории.

Первая фраза его повести «Бедная Лиза» («Может быть никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей сей столицы, как я...»³¹) начинает собой историческое введение, предшествующее собственно истории Лизы и занявшее три абзаца. «Московский текст» Карамзин выстраивает как «российский», понимая события прошлого Москвы как события российской истории. Первый абзац повести говорит об окрестностях Москвы. В первом издании повести в «Московском журнале» Карамзин писал об окрестностях «сей столицы» (не называя Москвы!), а уже начиная со второго издания повести в «Моих безделках» (М., 1794) и во всех последующих прижизненных стоит «окрестностей города сего»³². На это обстоятельство обратил внимание в своем текстологическом комментарии к «Бедной Лизе» В.Н. Топоров³³. Такая замена, как думается, еще более нивелирует собственно «московский» контекст повести. Второй абзац рисует картину Москвы, наблюдаемую от Симонова монастыря, однако стоит исключить из описания московские топонимы «Симонов монастырь», «Данилов монастырь», «Воробьевы горы», «село Коломенское», как пейзаж перестанет быть московским, а станет усредненно стандартно сентиментальным: громады домов и церквей, тучные луга, желтые пески, светлая река, лодки, дубовая роща, «подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые унылые песни и сокращают тем летние дни,

³¹ Московский журнал. М., 1792. Ч. 6. С. 238. Цит. по фототипическому воспроизведению публикации в «Московском журнале» в изд.: Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. М., 1995. С. 314 нумер.

³² Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Л., 1984. Т. 2. С. 506.

³³ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 380.

столь для них единообразные». Никак не названная река, текущая мимо Симонова монастыря, несет на своих волнах струги, плывущие «из плодотворнейших стран Российской империи»³⁴. Так уже в самом начале повести Москва «прочитывается» как часть Российской империи. Наконец, третий абзац рисует опустевший монастырь, в котором никак невозможно найти примет описания московского Симонова монастыря. Развалины заставляют автора «внимать глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных», но никак не вспоминать о московских древностях. Итоговая фраза третьего абзаца представляется ключевой: «Все сие обновляет в моей памяти *историю нашего отечества – печальную историю тех времен*, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали *окрестности российской столицы* и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях»³⁵. Эта фраза не менялась от издания к изданию. И она как раз показывает, что Карамзин воспринимает московские достопамятности как часть российской истории, а не как самодостаточные объекты «московедческих» усилий.

Представляется возможным поставить задачу интерпретировать сочинения Карамзина о Москве и российской провинции как сочинения по русской истории, в которых главный интерес к провинциальным достопамяностям обусловлен тем, что они составляют не только историю края, провинции, но историю России, понимаемую как часть европейской истории. Это сочинения «О московском землетрясении 1802 года», «Записки старого московского жителя», «Русская старина», «О книжной торговле и любви ко чтению в России». К ним примыкают «Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября», «Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре». У Карамзина имеются сочинения, рассказывающие о Москве и – одновременно – о ее окрестностях. Это «О тайной канцелярии», «Записка о московских достопамятностях». Существуют небольшого объема заметки о московских и российских событиях, которые без заглавия печатались в разделе «Известия и замечания» «Вестника Европы» (1802–1803).

Произведения «пути» Карамзина формировали традицию жанра и способствовали появлению большого числа описаний путешествий по России, рассказывавших об увиденных достопримечательностях. Это за-

³⁴ Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 506.

³⁵ Там же. С. 507 (курсив мой. – Р. К.).

метное явление литературы сентиментализма в России, признанным классиком которой Карамзин стал уже при жизни. Но сентиментализм, обращавшийся непосредственно к чувствам читателя, рождавший глубоко интимные переживания, необходимо требовал соблюдения важного условия: читатель будет сопереживать рассказанному, только если автор, обращаясь к нему напрямую, убедит его, заставит поверить, дав в своем сочинении точное и достоверное изображение картин действительности. Карамзин решал эту проблему путем выработки адекватных средств изображения: создания литературного языка и выстраивания рассказа о путешествии через рассказ об истории тех мест, которые автор проезжал.

Вот примеры языка непосредственного общения с читателем: «Я обещал вам, любезный друг, объездить московские окрестности и сказать несколько слов о том, что увижу. Исполняю свое обещание, но время, мною избранное, не благоприятствует живописи предметов. Осенью хорошо сидеть у камина, а не скитаться; хорошо думать, а не смотреть. <...> Наблюдения вашего путешественника не очень важны: что делать? Москва не Рим», «Странствия мои, любезный друг, не кончились; но дурное время заставляет меня отсрочить их до весны. Тогда надеюсь еще написать к вам несколько писем, разумеется, исторических, и самых простых»³⁶, «Сев на гнилой церковной паперти (ветхой древней церкви. – *Р. К.*), я с удовольствием смотрел вокруг себя и на сельские ландшафты вдаль, думая, что не только люди, образ их жизни и творений, но и самый вид природы переменяются со временем», «Таким образом, два дни прошли для меня в исторических воспоминаниях, делающих места и предметы любопытными. История в некоторых летах занимает нас гораздо более романов; для зрелого ума истина имеет особенную прелесть, которой нет в вымыслах. В самом грустном расположении, в котором цветы разума и воображения не веселят нас, человек может еще с каким-то меланхолическим удовольствием заниматься историею; там все говорит о том, что было и чего уже нет!..»³⁷. Здесь не найти какого-либо особенного, отдельного «московского» содержания, скорее заметим, что для Карамзина важнее обращение к контексту мировой истории («Москва не Рим»).

³⁶ Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. М., 1986. С. 263–264, 268.

³⁷ Он же. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 291, 310.

Описания московских окрестностей для Карамзина – это, прежде всего, сообщение об их истории или рассказ об исторических событиях, и Карамзин не однажды подчеркивал, что посещает ту или иную деревню или селение в первую очередь потому, что там случилось нечто исторически примечательное. «Петр III, будучи великим князем, желал иметь в Люберцах сельский дом... Я, как русский и дворянин, желал видеть место, которое нравилось Петру III: он подписал два указа, славные и бессмертные!...», «В селе Маркове я останавливался искать на берегу Москвы-реки окаменелостей, которыми оно славится», «В 25 верстах от Коломны находится село Дедлово [надо – Дединово. – *Р. К.*], весьма достойное любопытства. Я давно желал видеть его. Тут в царствование Михаила Федоровича строился фрегат для голштинского посла, отправленного герцогом через Россию к персидскому шаху»³⁸, «Троицкий монастырь свят не только для сердец набожных, но и для ревностных любителей отечественной славы; не только россияне, но и самые просвещенные иностранцы, знающие нашу историю, любопытствуют видеть места великих происшествий», «Я спешил видеть сие почтенное здание, едва ли не старейшее из всех деревянных домов в России (деревянный дворец в подмосковном селе Алексеевском. – *Р. К.*)», «Коляска дождалась меня в деревне Ростокино, которая достойна примечания для любителей истории», «Я своротил влево с большой дороги, чтобы видеть село Тайнинское, где царь Алексей Михайлович любил забавляться соколиною охотою», «Там, где цари наши всегда отдыхали на пути к Троице, в селе Братовщине, я также остановился, не столько для отдыха, столько для того, чтобы видеть там на досуге некоторые монументы старины»³⁹.

Одним из примеров представления русской истории в «литературе пути» является карамзинское «Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября».

В 1789 г. в журнале «Новые ежемесячные сочинения» появился перевод статьи «Статского советника Миллера описание езды из Москвы в Коломну в 1778 г.», опубликованный уже после его смерти. А в 1803 г. в «Вестнике Европы» Н.М. Карамзин поместил свое «Путешествие вокруг Москвы: Письмо первое из Коломны от 14 сентября». Сравнение двух текстов показывает, что многие сведения о Коломне и лежащих на пути

³⁸ Он же. Путешествие вокруг Москвы. С. 265, 266, 267–268.

³⁹ Он же. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 285, 286, 288, 289, 290.

из Москвы к Коломне деревнях и селах Карамзин заимствовал из «Описания» Миллера.

Карамзин знал сочинения Миллера и интересовался документами из его «портфелей»; ссылки на них имеются не только в Примечаниях к «Истории государства Российского», но и в «Пантеоне российских авторов» и «Исторических воспоминаниях и замечаниях на пути к Троице и в сем монастыре», опубликованных в 1800–1803 гг. Несмотря на то, что Карамзин иногда не соглашался с мнением Миллера, он весьма уважительно о нем отзывался, ценя его талант ученого и собирателя источников⁴⁰.

Миллер ставил перед собой сугубо научную задачу – «сочинить Московской провинции Географическое описание». Он скрупулезно учитывал каменные строения, количество ревизских душ, занятия населения, доходы, фабрики, сады и многое другое. Карамзин же «изящным слогом» описал «московские окрестности» и то, что нашел там любопытного⁴¹. «Путешествие» определенно напоминало читателям прежнего Русского Путешественника и его «Письма» тем более, что в подзаголовке было обозначено: «Письмо первое». Карамзин стремился создать у читателей впечатление, что заметки его не очень важны, что в поездку он отправляется, лишь выполняя обещание. Здесь использован тот же художественный прием, что и в «Письмах русского путешественника», когда Путешественник не был равен автору и совершал во многом литературное путешествие, не всегда наблюдая лично те места, о которых писал своим корреспондентам. Личные впечатления дополнялись разнообразными источниками, которые, как это показал Ю.М. Лотман⁴², широко привлекал реальный автор. При внимательном чтении «Путешествия» можно увидеть серьезную работу Карамзина с летописями, сочинениями иностранцев и отечественных историков.

⁴⁰ Он же. История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 1. Примеч. 20, 40, 41, 71, 72 и др.; Кн. 1. Т. 3. Примеч. 31, 64, 292 и мн. др.; Каменский А.Б. Две новгородские надписи из «Портфелей Г.Ф. Миллера» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 109–113.

⁴¹ Миллер Г.Ф. Статского советника Миллера описание езды из Москвы в Коломну 1778 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1789. Ч. 25. Май. С. 69; Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы. С. 263–264; Каменский А.Б. ...Сей город за центр всего государства почесть можно...: Герард Фридрих Миллер. 1705–1783 // Краеведы Москвы. М., 1991. Вып. 1. С. 38, 42.

⁴² Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987.

В качестве примера сравним фрагменты с описанием Голутвина монастыря (в скобках указаны страницы сочинений Миллера и Карамзина). Миллер сообщал: «А в старину, сказывают, был там густой лес, в котором до построения монастыря жили разбойники; и от того произошло имя *Голутвин*, а именно от *Голытьбы*, т.е. от сонмища людей голых, не токмо ни чего собственного не имеющих, но и в нужнейшем одеянии претерпевающих недостаток. В монастыре три церкви каменных. <...> Кельи и ограда каменные» (78–79). В изображении Карамзина это выглядит так: «Рассказывают по старому монашескому преданию, что на сем месте жили некогда разбойники, которых называли голытьбою или голыми людьми, и что их имя в течение времени досталось монастырю в наследство. Вору не боялись в старину близости городов, в самых окрестностях Москвы имели станы и были нередко ужаснее самых чужеземных неприятелей. <...> В Голутвине монастыре три церкви и кельи все каменные» (267).

Схожи также описания шереметевских имений, сел и деревень на пути к Коломне (Люберцы, Марково, Дединово, Клин), толкование имени Коломны (Миллер. С. 72, 74–76, 79–81, 85; Карамзин. С. 265–268).

Сравнительный анализ двух текстов показывает, что статья Миллера послужила для «Путешествия» Карамзина основным источником. Миллер, составляя научный отчет, имел перед собой программу исследования, разработанную еще во время сибирской экспедиции⁴³. Его сочинение предназначалось для ученой публики, а «Вестник Европы» имел широкую читательскую аудиторию в разных слоях общества, причем за десять лет писательской, издательской и журналистской деятельности Карамзина его читательская аудитория во многом изменилась и расширилась. Именно такой, разной по составу аудитории адресовано «Путешествие»: оно должно было быть доступным и интересным читателям.

Пользуясь описанием Миллера, Карамзин выпускал из него многие детали, оставляя то, что представлялось по-настоящему достопримечательным. Наиболее беллетризованными являются начало и конец «Путешествия». Карамзин мягко ироничен в конце не только по отношению к читателю, но и к самому себе. Он обещал еще несколько писем, «разумеется, исторических», и «какой-нибудь анекдот, только невыдуманный» и завершил «Путешествие» фразой: «Хоть вы принадлежите к секте Дюкре Жанлис, которая не любит чувствительных путешествен-

⁴³ Каменский А.Б. ... Сей город за центр всего государства почесть можно... С. 42.

ников, проехавших мило, чтобы написать том, однакож я имею злой умысел искутить ваше терпение и при первом случае рассказать вам самую жалкую повесть!»⁴⁴. И читатель, знакомый с литературой, может быть, вспоминал, что сам Карамзин в свое время переводил и публиковал мадам Жанлис, что он написал «Письма русского путешественника», проехав по Европе отнюдь не мило, что, наконец, он был признанным главой сентиментального направления в литературе, автором нескольких «чувствительных» повестей. Причем, именно в эти годы «Московский журнал» с «Письмами русского путешественника» выходил вторым изданием.

Но «Путешествие вокруг Москвы» выходило за рамки только литературного произведения. На его страницах Карамзин оставил несколько свидетельств серьезной работы с историческими источниками, прежде всего летописями, откуда взяты сведения о «добродетельном Шереметеве»⁴⁵ и известия XII–XIV вв. о Коломне. Сведения из источников как бы заключены в «беллетристическую рамку»: ведь цель была не в том, чтобы рассказать «самую жалкую повесть».

Сюжет о боярине Иване Михайловиче Шереметеве, замученном Иваном Грозным, позднее появился и в «Истории государства Российского»⁴⁶. Взял его Карамзин, видимо, из «Истории о великом князе Московском» Курбского. При очевидном сходстве заметно, что сюжет с Шереметевым и мучителем Грозным по сравнению с «Путешествием» не претерпел в «Истории» принципиальных изменений: Карамзин лишь добавил некоторые подробности.

Можно попытаться установить и круг источников сведений Карамзина о Коломне. Карамзин сообщал, что: 1) первые упоминания о Коломне в летописях относятся к концу XII в.; 2) татары жгут город; 3) в Коломне собирается русское войско идти против татар; 4) Дмитрий Донской осматривал полки после победы над Мамаем на поле у города; 5) в Коломне при посредничестве Сергия состоялось примирение Донского и рязанского князя Олега, «человека сварливого и беспокойного»⁴⁷.

⁴⁴ Карамзин Н.М. Путешествие вокруг Москвы. С. 268.

⁴⁵ Там же. С. 264.

⁴⁶ Он же. История государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Т. 9. С. 12. Примеч. 37.

⁴⁷ Он же. Путешествие вокруг Москвы. С. 266.

К началу XIX в. существовал ряд работ, описывающих Москву и некоторые города Московской губернии, в том числе и Коломну⁴⁸. Неизвестно, знал ли эти работы Карамзин, но в «Путешествии» он их не использовал (в «Истории», например, упоминался бывший в библиотеке Карамзина, изданный В.Г. Рубаном «Устав ратных, пушечных и других дел» О.М. Радишевского)⁴⁹. В ином случае Карамзин, видимо, упомянул бы о посещении Екатериной II Коломны и Голутвина монастыря, о чем сообщал Рубан, и привел бы свидетельство Чеботарева о том, что в 1176 г. Коломна уже была известна.

Не очень понятно, какими именно летописными памятниками пользовался Карамзин, чтобы упомянуть о смотре полков у Коломны после победы на Куликовом поле. Хотя, как указал сам Карамзин, Никоновская и другие летописи сообщают, что Дмитрий прибыл с Куликова поля в Коломну и отдыхал здесь четыре дня⁵⁰. Под 1177, 1180 гг. о Коломне упоминают Троицкая, Никоновская, Лаврентьевская и Радзивилловская летописи. О взятии Коломны в 1237 г. сообщают Троицкая, Лаврентьевская и Никоновская летописи. Коломна была сожжена и во время Дюденевой рати в 1293 г. Об этом пишут Троицкая и Никоновская летописи⁵¹. Запись о сборе полков накануне Мамаева побоища в Коломне читается в Никоновской, причем там говорится, что Дмитрий устроил смотр полкам в Коломне перед битвой. Карамзин в «Истории» сослался здесь на неопубликованную Ростовскую летопись, а в Вологодско-Пермской (Синодальной № 365, по Карамзину) он нашел запись, что полки выстроились на Девичьем поле⁵². Наконец, известие о примирении Дмитрия и Олега рязанского при посредничестве Сергия Радонежского имелось в Воскресенской и Ростовской летописях, а также в Троицкой, как посчитал М.Д. Приселков, сравнив цитату Карамзина, приведенную в «Истории»,

⁴⁸ Бакмейстер Л.И. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1771. Т. 1. Ч. 1. С. 52–65; Рубан В.Г. Московский лобопытный месяцеслов на 1776 год. М., 1775. С. 155–163; Чеботарев Х.А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 349–368 и др.

⁴⁹ Комментированный список источников и литературы, использованных Н.М. Карамзиным в «Примечаниях» / М.И. Афанасьева и др. // Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 352. № 113.

⁵⁰ Там же. М.: Наука, 1993. Т. 5. Примеч. 85.

⁵¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 262, 263, 265, 313, 345; ПСРЛ. Т. 10. С. 4, 106, 169; Т. 1. С. 384. Примеч. 27, 28; С. 387, 460.

⁵² Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 5. Примеч. 65; ПСРЛ. Т. 2. С. 52, 54.

с Симеоновской и Никоновской летописями⁵³. Никоновская, Радзивилловская, Воскресенская летописи и Древний летописец, использованный для подведения вариантов к Никоновской летописи, были изданы в 1760–1790-е гг. В летописце содержится запись о желании Дмитрия Донского отомстить Олегу за его помощь Мамаю⁵⁴. С Лаврентьевской летописью и списком сочинений Курбского Карамзин мог ознакомиться в собрании А.И. Мусина-Пушкина уже в 90-е гг. XVIII в.⁵⁵

Есть основания поставить вопрос: а мог ли Карамзин ко времени сочинения «Путешествия» знать Вологодско-Пермскую летопись, хранившуюся в Москве в Синодальной библиотеке, и Троицкую летопись, хотя и не привел какие-либо сведения, которые можно было бы однозначно отнести к Троицкой летописи? Он мог иметь для работы ее копию или пользоваться копией Х.А. Чеботарева, работавшего с ней в 80–90-е гг. XVIII в.⁵⁶ Мог ли Карамзин иметь в виду в том числе и Троицкую летопись, сообщая И.И. Дмитриеву в 1800 г.: «Я по уши влез в русскую историю; сплю и вижу Никона с Нестором»?⁵⁷ Ведь позднее самыми лучшими списками Нестора Карамзин называл Лаврентьевскую и Троицкую летописи⁵⁸.

В тексте «Путешествия» ощущается увлеченность автора историческим материалом. Так, описывая Голутвин монастырь, Карамзин называл «голытьбу», жившую в старину на месте монастыря, «ворами» (267), а переводчик Миллера пользовался словом «разбойники» (76). Первый академический словарь, зафиксировавший значения слов на 80-е гг. XVIII в., под «вором» понимал обманщика и похитителя и не давал в качестве синонимов к слову «разбойник» слов «вор», «тать». Следующий словарь, содержавший нормы языка как раз времени «Вестника Европы» и «Исто-

⁵³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 5. Примеч. 105; Приселков М.Д. Указ. соч. С. 28; ПСРЛ. Т. 2. С. 86–87.

⁵⁴ Древнего летописца часть первая, содержащая в себе повесть происшествий с 1254 до 1379 г. СПб., 1774; Древнего летописца часть вторая, содержащая в себе повесть происшествий с 1379 по 1424. СПб., 1775; ПСРЛ. Т. 2. С. 66, 67.

⁵⁵ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 253, 256, 259; Казаков Р.Б. Лаврентьевская летопись из собрания А.И. Мусина-Пушкина в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // 200 лет первому изданию Слова о полку Игореве: материалы юбилейных чтений. Ярославль, 2001. С. 279–285.

⁵⁶ Муравьева Л.Л. Летописные источники «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: (Т. IV–V) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 7–9.

⁵⁷ Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 116.

⁵⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 1. С. 16.

рии», считал значение слова «воровство» – «всякое преступление» – устаревшим⁵⁹. Карамзин то ли случайно, то ли намеренно употребил создающее исторический колорит слово.

Источниковедческая реконструкция истории создания карамзинского «текста пути» позволяет предположить, что в действительности Карамзин не совершал путешествия, которое затем описал. Может быть, ему и приходилось ездить коломенской дорогой через поместья Шереметевых, в том числе и через село Марково: описание найденного на берегу Москвы-реки окаменелого коралла, похожего на кусок хлеба (266), могло быть и собственным наблюдением или рассказом, услышанным от местных жителей, хотя об «окаменелых мадрепорах» и «каравае окаменелого хлеба» упоминал, например, О.П. Беляев. У Беляева Карамзин мог найти и описание церемонии встречи ботика Петра Великого в Петербурге (268)⁶⁰. Названные в тексте достопримечательности не обнаруживают личного знакомства с ними Карамзина. Село Дединово, где строился корабль «Орел», Карамзин назвал Дедловым (267) и поместил туда образец для речных судов, сделанный Петром (268), тогда как Миллер описал его хранящимся в деревне Клин (82).

В «Путешествии» Карамзин, выполняя вслед за Миллером историко-географическую работу, ставил перед собой и иную цель. Как и другие статьи «Вестника Европы», «Путешествие» готовило читателей к появлению «Истории государства Российского». Вновь, как и для «Писем русского путешественника», Карамзин формировал читательскую аудиторию, предлагая на ее суд некоторые результаты своих исторических исследований.

Результаты изучения источников русской истории, которые Карамзин излагал в статьях в «Вестнике Европы», позднее вошли в состав «Истории» без принципиальных изменений. Это может свидетельствовать о том, что уже за несколько лет до начала сочинения «Истории» Карамзин работал с источниками вполне профессионально. Можно уточнить, что сбор материалов к «Истории» шел не только «параллельно с созданием литературного текста»⁶¹, но начался гораздо раньше. Журнал был свое-

⁵⁹ Словарь Академии Российской. СПб., 1789. Ч. 1. С. 208, 861–862; Словарь Академии Российской. СПб., 1806. Ч. 1. С. 671, 679; 1822. Ч. 5. С. 796.

⁶⁰ Беляев О.П. Кабинет Петра Великого. СПб., 1800. Т. 1. С. 175–181, 199; Т. 3. С. 159.

⁶¹ Козлова Н.А., Козлов В.П. Архивные разыскания Н.М. Карамзина // Советские архивы. 1977. № 3. С. 64.

образным полигоном, где отрабатывались идеи, проговаривались факты, изучалось читательское восприятие, рождалась форма будущей «Истории государства Российского», сочетавшей в себе художественное богатство с научной основательностью.

Путешествие, которое совершил Г.Ф. Миллер, максимально точно зафиксировав его обстоятельства, под пером Н.М. Карамзина превратилось, в первую очередь, в путешествие литературное. Историко-географические и статистические реалии были им переосмыслены и стали заметным явлением русской журналистики и литературы. Потерял ли читатель в этом случае в точности передачи фактов, сведений исторического характера? И да, и нет. Географические и статистические данные, собранные Миллером, Карамзин дополнял сведениями из письменных памятников, которые уже целенаправленно изучал в это время, задумывая «Историю государства Российского».

Несколько ранее, но в том же «Вестнике Европы», говоря о событии, безусловно, запомнившемся москвичам, – землетрясении, легкие отголоски которого ощущались, Карамзин предпочел поставить это происшествие в широкий исторический и современный ему европейский контекст.

Исследователи давно обратили внимание на то, что русской истории в журнале уделено значительное место и что это обнаруживает новые черты в карамзинском творчестве. «В “Вестнике Европы” (1802–1803) отчетливо проявляется новая тенденция в творчестве Карамзина: предпочтение не мифа, а исторического факта», – отмечала Н.Д. Кочеткова⁶². Впервые Карамзин опубликовал заметку о землетрясении в одном из двух ноябрьских номеров «Вестника Европы», выходящего 24 раза в год, в 1802 г.⁶³, поместив ее без заглавия в разделе «Известия и замечания». Вместо заглавия стояло «Москва» для обозначения места события. Карамзин не включил ее в первое собрание своих сочинений, а во втором и третьем (последнем прижизненном) изданиях она вошла в девятый том вместе с другими статьями из «Вестника Европы». Именно во втором издании «Сочинений» и появилось название «О московском землетрясении 1802 года».

⁶² Кочеткова Н.Д. Формирование исторической концепции Карамзина – писателя и публициста // Проблемы историзма в русской литературе. С. 149.

⁶³ Вестник Европы. М., 1802. Ч. VI. № 21. С. 69–73 (далее ссылки на журнал в тексте); Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 257–259.

Текст, напечатанный в «Вестнике Европы» и в двух собраниях «Сочинений», практически не отличается⁶⁴. В третьем издании исправлены опечатки второго издания, отмечены новые опечатки. Такое случалось в издательской практике Карамзина, в частности, при подготовке как раз в этот период второго издания «Московского журнала», когда не вся правка была внесена и не все опечатки исправлены⁶⁵.

В свои «Сочинения» Карамзин включил почти все статьи из журнала, где он затрагивал проблемы русской истории. Если предположить здесь авторство Карамзина, то логично было бы увидеть в «Сочинениях» и небольшую статью «Об имени реки Яхромы» (1803. № 13. С. 60–62). В разделе «Известия и замечания» были опубликованы еще два материала, связанные с историей России: несколько строк о переименовании Тамани в Тмутаракань и перевод фрагмента с интересными наблюдениями о Сибири и Якутии (1802. № 21. С. 86; 1803. № 18. С. 116–118). Но статья «Об имени реки Яхромы» в «Сочинения» не вошла, а из журнального раздела «Известия и замечания» Карамзин включил в «Сочинения» только сообщение о землетрясении.

В этой небольшой по объему статье рассказывалось о несильном землетрясении, которое произошло в Москве 14 октября 1802 г. Карамзин сообщил здесь о причинах возникновения землетрясений, дал их научную классификацию, а также привел известные ему из источников сведения о московском землетрясении середины XV в.

Не все москвичи обратили внимание на происшествие 14 октября, но А.С. Пушкин, набрасывая в 1830 г. план автобиографических записок, отметил это как одно из первых впечатлений своего детства⁶⁶. Вероятно, с течением времени землетрясение, пусть и слабое, но все же редкое для москвичей явление природы, переставало восприниматься как неординарное событие, особенно теми, кто не был его очевидцем. Примерно в том же 1830 г. А.И. Герцен в ранней статье «О землетрясениях»⁶⁷, перечисляя наиболее известные с античных времен и до 1822 г. землетрясения, о московском не упомянул. Под 1802 г. Герценом отмечено сильное

⁶⁴ Карамзин Н.М. Сочинения: в 9 т. 2-е изд., испр. и умнож. М., 1814. Т. 9. С. 122–126; То же. 3-е изд., испр. и умнож. М., 1820. Т. 9. С. 98–101.

⁶⁵ Кочеткова Н.Д. Два издания «Московского журнала» Н.М. Карамзина // XVIII век. СПб., 1995. Сб. 19. С. 169–170.

⁶⁶ Пушкин А.С. Программа автобиографии // Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. XII. С. 307.

⁶⁷ Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 354–361.

землетрясение в Константинополе. Отголоском его и было то, что почувствовали 14 октября 1802 г. москвичи.

Землетрясение потребовало реакции московских властей. Обер-полицеймейстер провел обследование поврежденных зданий, опросил свидетелей события и сообщил обо всем в донесении московскому главнокомандующему. О землетрясении докладывали и Александру I. Сохранившиеся документы, записи рассказов, донесения властей позднее использовал в своей статье Н.В. Дризен⁶⁸. Отмечу, что в современных работах сейсмологов землетрясение 1802 г. в числе других землетрясений в «зоне Вранча» (Восточные Карпаты) упоминается с описанием причиненных разрушений. В целом приводимые подробности не выходят за пределы того корпуса сведений, которые сообщались в газетах 1802 г. и в сочинении Карамзина⁶⁹.

Текст Карамзина показывает, что он использовал не только свои наблюдения, но и сообщения очевидцев. Карамзин точно датировал статью, что для него не являлось делом обыкновенным: в тексте заметки он сообщил, что писал ее 18 октября, когда над столицей еще стоял «густой и непрерывный туман», который Карамзин считал следствием землетрясения.

Заметка Карамзина давно привлекла внимание историков естествознания⁷⁰, но до сих пор исследователи творчества Карамзина не обращали внимания на то, что Карамзин снова вернулся к этой теме, вскоре опубликовав еще несколько строк без заголовка в разделе «Известия и замечания». В первой статье он предположил, что московские события были отголоском более сильного землетрясения в другом месте. В декабрьском номере Карамзин написал (привожу полностью): «Землетрясение, бывшее в Москве, пришло к нам от Ионического моря и всего более свирепствовало в Итаке, прославленной Гомером. В Варшаве, Землине и других местах оно было легко; но в Бухаресте разрушились многие дома и

⁶⁸ Дризен Н.В. Землетрясение в Москве (1802 г.) // Вестник всемирной истории. СПб., 1900. № 7. С. 185–188.

⁶⁹ Друмя А.В., Степаненко Н.Я., Симонова Н.А. Сильнейшие землетрясения Карпатского региона в XVIII – XX веке // Buletinul Institutului de Geofizică și Geologie al AȘM. 2006. № 1. С. 40; Оценка сейсмической опасности для высотных зданий в г. Москве // Современное высотное строительство / Уломов В.И. и др. М., 2007. С. 94–100; Уломов В.И. Прогноз сейсмических проявлений в Москве при землетрясениях в зоне Вранча // Физика Земли. 2010. № 1. С. 3–20.

⁷⁰ Зубов В.П. Историография естественных наук в России (XVIII в. – первая половина XIX в.). М., 1956. С. 223–224.

церкви. В сем городе явилось озеро, которого зеленоватая вода несколько часов весьма пахла серою. Этна и Везувий уже давно не выбрасывали лавы. Физики приписывают тому все нынешние землетрясения» (1802. № 24. С. 347). Эти строки автор не включал в собрания «Сочинений». И Карамзин, и Герцен имели в виду одно и то же землетрясение, наиболее сильно затронувшее Балканский полуостров. Можно говорить и о том, что информация Карамзина довольно точна, и Бухарест как один из наиболее пострадавших городов назван не случайно. И.В. Батюшкова, специально писавшая о развитии представлений о причинах землетрясений, отметила, что землетрясение 1802 г. в Румынии было известно под названием «Великого» и ощущалось в Москве и Петербурге⁷¹.

Об отмеченных в Москве отголосках большого землетрясения «Вестник Европы» сообщил практически одновременно с газетами обеих столиц или даже раньше, чем они. Первые известия о самом землетрясении появились в «Московских ведомостях» за 19 ноября, а в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 12 декабря⁷². Этому событию обе газеты уделили значительное внимание: в разделе иностранных новостей о землетрясении и его последствиях говорилось в четырех декабрьских номерах «Санкт-Петербургских ведомостей», здесь было опубликовано десять коротких сообщений, и в одиннадцати ноябрьских и декабрьских номерах «Московских ведомостей» – в каждом по одному сообщению⁷³. Иностранные новости датировались по григорианскому календарю, поэтому землетрясение в Европе случилось 26 октября (14 октября по юлианскому календарю в России), но толчки ощущались с 25 по 28 октября. Вся информация о последствиях землетрясения, помещенная Карамзиным в 24-м номере журнала, была опубликована на страницах столичных газет. Но Карамзин опустил многие детали, а также подробности политического характера. 19 ноября «Московские ведомости» опубликовали сообщение из Варшавы от 28 октября: «Третьего дня в 12 1/2 часов пополудни при ясной погоде, северо-восточном ветре и непрременном стоянии барометра на 28 Парижских дюймах примечено здесь в разных домах землетрясение, однако ж только по колебанию висячих вещей, как-то люстр и пр. Направление его было с Юга на Север или обратно». 26 ноября со-

⁷¹ Батюшкова И.В. К истории изучения истории землетрясений учеными Румынии // История геолого-географических наук. М., 1961. Вып. 2. С. 163.

⁷² МВ. № 93 (19 нояб.). С. 1331; СПбВ. № 99 (12 дек.). С. 2632.

⁷³ СПбВ. № 99 (12 дек.), 101–103 (19–26 дек.); МВ. № 92 (15 нояб.), 93 (19 нояб.), 95–103 (26 нояб. – 24 дек.).

общалось о том, что землетрясение ощущалось в Землине, а 29 ноября уже давались некоторые подробности: «Октября 26/14-го в самый полдень чувствовано было в Землине землетрясение, и некоторые удары оно было нарочито сильны; к счастью однако ж оно не причинило никакого важного вреда»⁷⁴. Состав сведений о землетрясении, публиковавшихся в газетах, практически совпадает, но в «Московских ведомостях» они появлялись на несколько дней раньше⁷⁵. 19 декабря «Санкт-Петербургские ведомости» поместили сообщение от 12 ноября (31 октября по юлианскому календарю; в «Московских ведомостях» оно появилось 13 декабря): «В рассуждении землетрясения, с 25-го до 28 октября бывшего, известно, что оно приняло совсем другое направление и, простираясь до Варшавы чрез Молдавию и Валахию до Ионийского моря, миновало однако ж многие места и свирепствовало наиболее в Бухаресте и на острове Итаке. В некоторых местах удары были слышны 25-го, в других же 25-го и 27-го, а в некоторых и во все сии три дня. Торжественный выезд нового Господаря, Князя Ипсилланти в Бухаресте по причине землетрясения еще отсрочен. Невымощенная часть города провалилась, а на место оной сделалось озеро, испарявшее в первые часы удушливый серный запах». Чуть ниже давались подробности о разрушениях в Бухаресте⁷⁶. Столичные газеты могли стать тем источником, откуда Карамзин почерпнул информацию для второй заметки, в том случае, если 24-й номер журнала был задержан: его предполагалось распространять среди подписчиков с 12 декабря⁷⁷. Вполне вероятно, что источником сведений могли быть и иностранные газеты.

Нужно отметить оперативность, с которой материал появился в «Вестнике Европы»: после землетрясения прошло не более двух недель, а читатели уже могли о нем прочитать. Судя по объявлению в «Московских ведомостях», если не было опоздания, то 21-й номер журнала предполагалось распространять среди подписчиков с 25 октября 1802 г.⁷⁸ От 18 октября, которым датирована заметка, до объявленного начала рассылки журнала – всего неделя. Даже если сроки и не были выдержаны, можно думать, что номер был почти готов, когда Карамзин решил вста-

⁷⁴ МВ. № 93. С. 1331; № 95. С. 1362; № 96. С. 1374.

⁷⁵ Ср.: СПбВ. № 99 (12 дек.). С. 2632; МВ. № 98 (6 дек.). С. 1407; № 99 (10 дек.). С. 1423.

⁷⁶ СПбВ. № 101 (19 дек.). С. 2685, 2686; МВ. № 100 (13 дек.). С. 1435.

⁷⁷ МВ. № 99 (10 дек.). С. 1427.

⁷⁸ МВ. № 85 (22 окт.). С. 1217.

вить в него сообщение о землетрясении. Этот факт говорит и о том, насколько быстро Карамзин мог написать небольшую по объему, но весьма содержательную заметку. Срок, в который заметка была написана, свидетельствует еще и о том, что в это время автор уже свободно владел информацией из наиболее известных летописных источников и трудов историков XVIII в., и это позволило ему быстро подобрать исторические параллели к событиям 14 октября и дать в популярной форме основные сведения о причинах и характере землетрясений, их географии.

По мнению О.Б. Кафановой, «Вестник Европы» по свежести материалов почти не уступал «Московским ведомостям» и «Санкт-Петербургским ведомостям», но был гораздо полнее этих газет. В.Г. Березина отмечала, что Карамзин снял сообщения о природных явлениях из статьи «Обозрение прошедшего года» в «Вестнике Европы» 1803 г. (№ 4. С. 305–313), так как дал их в разделе «Смесь» [так у Березиной. – *Р. К.*]⁷⁹. И все же подавляющее большинство публикаций раздела «Известия и замечания» рассказывают о политических событиях в Европе, в основном во Франции и Англии. Чаще всего – это переводные статьи, которые Карамзин публиковал уже спустя два месяца после их появления в иностранной печати, а иногда и раньше⁸⁰.

Заметка Карамзина интересна тем, что дает возможность судить и об уровне естественнонаучных знаний автора (что до сих пор еще недостаточно изучено), и о Карамзине-историке. Карамзин для сравнения упомянул землетрясение, случившееся в Москве в годы правления Василия II (1 октября 1445 г.). Источником его сведений могла быть «История Российская» В.Н. Татищева, опиравшегося на Никоновскую летопись или сообщение самой Никоновской летописи, опубликованной еще А.Л. Шлецером и С.С. Башиловым. На сообщении Никоновской летописи основаны и строки о землетрясении в Москве у М.М. Щербатова; здесь же найдем и первую попытку проанализировать летописную запись. Щербатов полагал, что землетрясение не было сильным, так как летопись не сообщила ничего о жертвах и разрушениях, и считал необходимым упомянуть об этом случае только «по редкости таких трясений в Москве»⁸¹.

⁷⁹ Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 12. С. 100; Березина В.Г. Карамзин-журналист // Проблемы журналистики. Л., 1973. Вып. 1. С. 111–112.

⁸⁰ Кафанова О.Б. Указ. соч. С. 100.

⁸¹ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 66; Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. V. С. 261; Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. 4. Ч. 1. С. 534.

О московском землетрясении есть записи и в других летописях (среди них Вологодско-Пермская, еще не известная Карамзину, и др.). Иная редакция записи находится в Степенной книге⁸². В статье Карамзина нет никаких сведений, которых бы не давала Никоновская летопись и повторившие ее Татищев и Щербатов, что говорит о знакомстве Карамзина по крайней мере с этими трудами. Но другие статьи «Вестника Европы» на исторические темы и фраза о «Никоне с Нестором» говорят, что в это время Карамзин читал и саму летопись.

В «Истории государства Российского» историограф также сообщил о землетрясении 1445 г. Этот текст перекликается с текстом заметки 1802 г. В обоих случаях Карамзин писал о землетрясении как о явлении не совсем обычном для московских мест, о том, что народ видел в этом предзнаменование «государственных бедствий». В примечании Карамзин дал заковыченную цитату и отметил сокращение в ней, но не назвал источника цитирования. Текстологическое сравнение показало, что это несколько неточно переданная запись Никоновской летописи. В «Истории» встречаются случаи, когда Карамзин, процитировав в примечании летопись и назвав ее, в следующем примечании дает цитату из этого же памятника, уже не обозначая его. В данном случае в предыдущем примечании также есть ссылка на Никоновскую летопись. Процитированные там же Новгородские и Псковские летописи не упоминают о московском землетрясении 1445 г. В примечании Карамзин процитировал запись о землетрясении не полностью, а только ее последнюю фразу о том, какое впечатление это событие произвело на москвичей⁸³.

В «Истории» Карамзин привел и цитату из летописей, сообщавших о землетрясении в Москве в 1471 г., но в период «Вестника Европы», вероятно, эти источники были ему неизвестны⁸⁴. В этой цитате фраза «Потрясая на Москве земля» была выделена Карамзиным курсивом. Это был принятый им способ выделения наиболее важных мест в цитатах (скажем, для передачи прямой речи героев истории), наиболее любопытных мест с точки зрения примечательности самого исторического события или языка, которым все это описывалось. Примечание 629 – последнее в шестом томе «Истории», в нем опубликовано «Хожение за три моря» Афанасия Никитина и даны (как и в примечаниях к другим томам)

⁸² ПСРЛ. СПб., 1913. Т. XXI, ч. 2. С. 464.

⁸³ Карамзин Н.М. История государства Российского: в 12 т. Т. 5. С. 172, 356, примеч. 330.

⁸⁴ Там же. М., 1998. Т. 6. С. 331. Примеч. 629 под 1471 г.

«Дополнительные выписки из летописей», содержавшие в себе данные, которые не были использованы Карамзиным ни в тексте «Истории», ни в иных примечаниях. К курсивным выделениям фрагментов текста Карамзин прибегал в этом примечании всего несколько раз, хотя оно и занимает в академическом издании 21 страницу. Это говорит о том, что Карамзин считал такое происшествие достойным упоминания и внимания читателей.

Ни в 1802 г., ни во время работы над «Историей» Карамзин не знал источников, сообщавших о московском землетрясении 1542 г.⁸⁵ Не упоминали об этом ни доступные ему летописи, ни Татищев и Щербатов. Поэтому Карамзин считал, что между двумя землетрясениями прошло почти три с половиной века.

В заметке Карамзин не только описал последствия землетрясения 1802 г., но много места уделил объяснению причин природных катаклизмов, перечислил страны, где «землетрясение почти столь же обыкновенно, как у нас сильная гроза летом», упомянул страшное землетрясение 1755 г., разрушившее Лиссабон. Все это говорит о том, что Карамзин имел представление об основных идеях, господствовавших в естествознании по проблемам образования и строения Земли.

Специальная статья «Tremblemens de Terre», рассуждавшая о вулканизме, подземном огне и его взаимодействии с воздухом и пр., была включена в знаменитую «Энциклопедию»⁸⁶. А к началу XIX в. уже появилась обширная литература на русском языке, описывающая землетрясения и объясняющая их причины⁸⁷. Это труды М.В. Ломоносова «О слоях земных» и «Слово о рождении металлов от трясения Земли» и работы научно-популярного характера. И если Ломоносов в работе 1757 г. давал характеристику землетрясений и их классификацию, полагая причиной их действие внутренних сил Земли, особенно «подземельного огня»⁸⁸, то все же более распространенным в Европе и России второй половины XVIII в. было представление о сложении земного рельефа под

⁸⁵ Описание сборника с такой записью см.: ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. XXVII. С. 14; Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 87. Искренне признателен С.О. Шмидту за сведения о сборнике.

⁸⁶ Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et metiers, par une societee de gens de lettres. Neufchastel, 1765. Т. 16. P. 580–584.

⁸⁷ Батюшкова И.В. Представления о причинах землетрясений в работах отечественных ученых. М., 1959.

⁸⁸ Ломоносов М.В. Слово о рождении металлов от трясения земли // Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 5. С. 306.

разрушающим действием вод первичного Мирового океана (а также вод «всемирного потопа»), покрывавшего всю Землю. Кроме того, о причинах землетрясений сообщалось в статье «Размышления о землетрясениях», в «Письме о землетрясениях» Г.В. Вегнера, переводах из «Естественной истории» Ж.Л. Бюффона⁸⁹. «Месяцеслов с наставлениями на 1771 год» напечатал статью «Изъяснение естественных причин землетрясения», вошедшую затем в «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы»⁹⁰. Примерно такие же идеи предлагались для усвоения воспитанникам благородного пансиона при Московском университете⁹¹. В 5-й части журнала Н.И. Новикова «Детское чтение для сердца и разума» была напечатана статья «О землетрясениях»⁹². В 1794 г. журнал «Новые ежемесячные сочинения» поместил обширную работу А.Н. Гришова «Рассуждение о землетрясениях и огнедышащих горах»⁹³.

Вероятно, эти сочинения могли быть известны Карамзину. Однако есть еще одна работа, знакомство с которой историографа очевидно при сравнении обоих текстов. Это статья «Землетрясение. Terra Motus. Tremblement de Terre» из «Магазина натуральной истории, физики и химии, или Нового собрания материй, принадлежащих к сим трем наукам», изданного Н.И. Новиковым⁹⁴. В годы издания «Магазина» Карамзин был близок к Новикову, поэтому резонно предположить, что он ознакомился с томами «Магазина» сразу по выходе из печати и, возможно, имел их в своей библиотеке.

В заметке Карамзин дал ту же классификацию землетрясений, какую привел автор статьи в «Магазине»: «Их [землетрясения. – *P. K.*] разделяют на три рода: одно колеблет землю, другое разрывает ее, третье извергает пламя». В статье в «Магазине»: «1) зыблемость или колебание; 2) землетрясение, происходящее от воздымания: когда недра земли, бу-

⁸⁹ Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1756. Март. С. 274–285; Апр. С. 326–329.

⁹⁰ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1791. Ч. 7. С. 266–276.

⁹¹ Миллен О.Л. Начальные основания естественной истории. Владимир, 1800. Ч. 1. С. 64.

⁹² Там же. 1786. Ч. V. С. 37–39.

⁹³ Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1794. Ч. ХСІ–С; 1795. Ч. СІV. Публ. не оконч.

⁹⁴ Магазин натуральной истории, физики и химии, или Новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам. М., 1788. Ч. 3. С. 295–336.

лучи приведены в движение, подьмлют своды, пещеры и раздирают земли и камни... 3) землетрясение, причиняемое извержением (Pog Explosion), когда земля от содрогательных движений претерпевает со всех сторон колебание и сотрясение»⁹⁵. Есть и значительное число суждений Карамзина о природе землетрясений из его заметки, параллели которым содержит статья в «Магазине». Приведу последовательно эти суждения Карамзина, отметив в скобках страницы статьи в «Магазине»: землетрясения случаются и в более северных странах (С. 306); землетрясение состоит в порыве воздушных масс, заключенных в глубине земли, «которые (по мнению физиков), будучи теснимы огнем, с бурным стремлением ищут себе выхода» (С. 296); мы удалены от стран, где землетрясения – обычное дело (С. 313, 317); удары имеют один центр, где в подземных пустотах или каналах, имеющих сообщение между собою, «свиристует воспламененный воздух, разливаясь как огненное море и в одну минуту действуя на великом пространстве» (С. 306, 315); землетрясения случаются чаще осенью и в ночное время (С. 303); в такие годы зима не бывает холодной (С. 305); землетрясения сопровождаются туманами (С. 303); последствия «самых легких потрясений» – исчезновение ручьев и появление новых (С. 303). О теплой зиме после знаменитого Лиссабонского землетрясения 1755 г. сообщал и Г.В. Вегнер⁹⁶. Все это позволяет рассматривать статью «Землетрясение. Terra Motus. Tremblement de Terre» в качестве основного источника представлений Карамзина о землетрясениях, их причинах и последствиях, изложенных им в заметке «О московском землетрясении 1802 года».

Карамзин обнаружил хорошее знакомство с трудами Бюффона, И.Г. Гмелина, а также с материалами, где описывались находки костей мамонтов и высказывались предположения об их происхождении (автором одной из таких работ был еще Татищев). Он поместил письмо А.И. Мусина-Пушкина о найденных в Ярославской губернии мамонтовых костях со своим примечанием. В следующем году в журнале появилась статья «О российском посольстве в Японию» (1803. № 11. С. 159–171), которую Карамзин включил во второе издание «Сочинений». В ней отмечались «ужасы вулканические и землетрясения» в Японии и на Филиппинских островах (1803. № 11. С. 160, 164–165). В том же номере помещен перевод французской статьи «Италийские вулканы, или Огнедышащие горы» (1803. № 11. С. 192–197).

⁹⁵ Там же. С. 296.

⁹⁶ Вегнер Г.В. Указ. соч. С. 329.

В это время Карамзин уже выступал как вполне сложившийся историк-исследователь со своей системой взглядов на развитие наук о природе и человеке и важности их распространения в обществе. Карамзин прекрасно выразил это в статье «О публичном преподавании Наук в Московском Университете» в том же «Вестнике Европы» (1803. № 23/24. С. 262): «Я говорю об Истории Естественной и еще ближайшей к нам Истории народов: знание той и другой необходимо для человека и гражданина, если он желает называться просвещенным».

В «Путешествии вокруг Москвы» и заметке «О московском землетрясении 1802 года» Карамзин задавал современным ему «московским» событиям широкий исторический российский и европейский контекст, а немногочисленные сочинения Карамзина крестьянской тематики, также относившиеся к «московскому» пространству, позволяют эксплицировать взгляды Карамзина на современное состояние крестьянства в России, оттенив тем самым сказанное Карамзиным в «Историческом похвальном слове Екатерине II».

Известно, что наиболее полно представления Карамзина по крестьянскому вопросу изложены им в «Истории» (в сюжетах X и XI томов о Борисе Годунове) и особенно в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Однако без привлечения произведений Карамзина более раннего периода его «крепостнические» взгляды невозможно охарактеризовать сколько-нибудь полно. Особенностью произведений Карамзина «крестьянской» проблематики можно считать то, что героями их часто выступали зажиточные крестьяне. Причем Карамзин явно формулировал для себя и описывал в своих сочинениях условия, при которых русский крестьянин, по его мнению, становился вполне богатым, не хуже европейского крестьянина.

В некоторых сочинениях 90-х гг. XVIII в. сельская жизнь предстает почти неземной идиллией, которую ничто не нарушает, в том числе присутствие крестьян. В «Деревне» и «Сельской жизни» автор показывал своего героя, который пользовался всеми удовольствиями сельской жизни, где и свежие продукты появлялись на столе поутру сами собой⁹⁷. В оригинальных сочинениях и переводах, созданных в 1791–1803 гг., выделяются несколько аспектов, которые характеризуют позицию Карамзина по проблеме взаимоотношения крестьянства и власти.

⁹⁷ Карамзин Н.М. Деревня // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 228–232; Он же. Сельская жизнь // Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 77–78.

Среди крестьян зажиточным бывает только тот, кто трудолюбив, хорошо обрабатывает свою землю. Ленивый, как правило, живет в нищете. Трудолюбие зажиточного крестьянина всегда тщательно подчеркивается, и в этом Карамзин видел основную причину его благополучия. «В одной из наших соседних деревень жил... Фрол Силин, трудолюбивый поселянин, который всегда лучше других обрабатывал свою землю, всегда более других собирал хлеба...»⁹⁸. Благополучие исчезает, если землю обрабатывает не ее заботливый хозяин. «Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться»⁹⁹.

Трудолюбие — это не только та черта, которая ведет к зажиточной жизни, это еще и нравственное качество у Карамзина. Трудолюбие помогает крестьянину, т.е. «рабу» по своему социальному статусу, встать вровень с представителями других сословий, пользуясь одинаковым доверием и неся одинаковую ответственность за сделанное. В статье 1802 г. в «Вестнике Европы» было и такое замечание: «Сельское трудолюбие награждается ныне щедрее прежнего в России, и чужестранные писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастливы, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых рабов, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства!»¹⁰⁰. Слова о кричащих «чужестранных писателях» можно было бы отнести целиком насчет публицистического характера статьи, если бы этот фрагмент не отражал более глубоко укорененные убеждения Карамзина.

Самое серьезное препятствие на пути к благоденствию крестьян Карамзин видел в их пристрастии к пьянству. «В самых маленьких деревеньках женщины в избах своих вьют шелк, а мужья ткут платки и проч. Мудрено ли, что многие крестьяне начинают жить господами, опрятно, со вкусом и даже роскошно? Иностранные путешественники могли бы

⁹⁸ Он же. Фрол Силин, благодетельный человек // Московский журнал. М., 1791. Ч. 3. Кн. 1. С. 32.

⁹⁹ Он же. Бедная Лиза // Московский журнал. М., 1792. Ч. 6. С. 243; Топоров В.Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. М., 1995. С. 319 нумер.; Карамзин Н.М. Сочинения: в 2 т. Т. 1. С. 507.

¹⁰⁰ Карамзин Н.М. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 218.

удивиться их избытку <...> Надобно только заметить, что богатейшие из подмосковных крестьян раскольники: они не пьянствуют!»¹⁰¹. «...Многие крестьяне села Пушкина живут не в избах, а в красивых домиках, не хуже самых богатых поселян в Англии и в других европейских землях. Вот действие усердия московских жителей к святому Сергию! Троицкая дорога [к Троице-Сергиевой лавре. — *Р. К.*] ни в какое время года не бывает пуста, и живущие на ней крестьяне всякий день угощают проезжих с большою для себя выгодою. Они все могли бы разбогатеть, если бы гибельная страсть к вину не разоряла многих...»¹⁰².

Необходимым условием благосостояния крестьянина представляется его просвещение. Это, как будто совершенно невыполнимое условие, тем не менее занимает в системе представлений Карамзина о положении крестьян важное место. Здесь формулируется необходимость просвещения крестьян наравне с другими сословиями. Просвещение несет и осмысление своего положения, учит искать в нем приятные моменты и быть гражданином. «Все люди имеют душу, имеют сердце: следственно, все могут наслаждаться плодами искусства и науки, — и кто наслаждается ими, тот делается лучшим человеком и спокойнейшим гражданином — спокойнейшим, говорю: ибо, находя везде и во всем тысячу удовольствий и приятностей, не имеет он причины роптать на судьбу и жаловаться на свою участь. — Цветы граций украшают всякое состояние — и просвещенный земледелец, сидя после трудов и работы на мягкой зелени с нежной своею подругою, не позавидует счастью роскошнейшего сатрапа. Просвещенный земледелец! — <...> Быть просвещенным есть быть здоровомыслящим, не ученым, не полиглотом, не педантом. <...> Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пашут землю и собирают библиотеки; пашут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их»¹⁰³.

Отношения барина и крестьян вполне патриархальны. Помещик отечески заботится о благосостоянии своих крестьян и готов прийти к ним на помощь. В представлении Карамзина такие отношения — норма, что накладывает определенные обязательства далеко не только на одних кре-

¹⁰¹ Он же. Путешествие вокруг Москвы. С. 267.

¹⁰² Он же. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 290.

¹⁰³ Он же. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 58–59.

стьян, но и на отца-барина. Добрые их отношения способствуют процветанию крестьян и хозяйства, разрушение же таких отношений, т.е. воля для крестьян, оборачивается для них нищетой. «Покойный отец мой <...> смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны — и в нашей деревне хлеб родился лучше, нежели во многих других; господин богател, и земледельцы не беднели. Воля, мною им данная, обратилась в величайшее зло: т.е. в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства...». Благодаря строгости и заботам барина, «из бедных они сделались зажиточными; имеют хлеб, лошадей, скотоводство и надежду быть со временем сельскими богачами».

Сформулированные Карамзиным условия, при которых крестьяне могли становиться не только зажиточными, но также промышленными и богатыми, диктовали определенные обязательства по отношению к крестьянам и со стороны помещика, и со стороны государства. Быть добрым хозяином своих крестьян и желать им процветания — это не только долг помещика, но еще и обязанность его как верного подданного своего императора, «ибо Александр желает счастья земледельцев»¹⁰⁴.

Эти представления и в последующие годы мало изменились. Они, скорее, наполнились богатым историческим содержанием, знанием источников и перспективным видением самой проблемы крестьянства в России. Страницы записки «О древней и новой России» и «Истории государства Российского», посвященные закрепощению крестьян, демонстрируют ту же логическую цепь рассуждений: зажиточный (т.е. работающий и трезвый крестьянин) благоденствует при добром попечении своего хозяина, освобождение же от этой зависимости приведет только к падению нравов и — в конечном итоге — к падению благосостояния крестьян и дворян, а значит — самого государства: «Иное зло: уже не завися от суда помещиков, решительного, безденежного, крестьяне начнут ссориться между собою и судиться в городе — какое разорение! Освобожденные от надзора господ, <...> станут пьянствовать, злодействовать: какая богатая жатва для кабаков и мздоимных исправников, но как худо для нравов и Государственной безопасности!»¹⁰⁵. «Мздоимные исправ-

¹⁰⁴ Он же. Письмо сельского жителя // Вестник Европы. М., 1803. Ч. XI. № 17. С. 46, 49, 59.

¹⁰⁵ Он же. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 118–119.

ники» – это представители власти, высшим олицетворением которой является император и – одновременно – читатель записки.

Проблема окончательного закрепощения крестьян присутствует в «Истории государства Российского»: Карамзин обращался к ней несколько раз. Он был уверен, что существовал указ о запрещении крестьянского выхода (что является до сих пор дискуссионным вопросом в историографии) и называл его «законом об укреплении сельских работников», но объяснял принятие такого закона все теми же обстоятельствами заботы монарха о благе подданных — землевладельцев и крестьян. Карамзин полагал, что свободный переход от владельца к владельцу не давал крестьянам укреплять свое хозяйство и плодил бедность. Заботясь о помещиках и крестьянах, между которыми отношения вполне патриархальные, правитель Борис Годунов и способствовал принятию указа: «...без сомнения желая добра не только владельцам, но и работникам сельским — желая утвердить между ими союз неизменный, как бы семейственный, основанный на единстве выгод, на благосостоянии общем, нераздельном — он в 1592 или в 1593 году законом уничтожил свободный переход крестьян из волости в волость, из села в село, и навеки укрепил их за господами»¹⁰⁶.

Десятый том «Истории» со страницами о закрепощении крестьян писался в 1822 г., но еще в 1803 г. историограф предлагал читателям «Вестника Европы» свою статью «Русская старина». В ней он перевел стихи П. Флеминга, который приезжал в Россию вместе с А. Олеарием: «Он пять месяцев жил в разных селениях близ Новагорода, старался узнать нравы земледельцев русских, и в немецких стихах описал их такими красками, какими славный Галлер описывает нравы счастливых альпийских жителей в известной поэме своей «Die Alpen». Я переведу здесь некоторые стихи его... В земле, называемой варварскою, вижу людей, достойных называться людьми. Земледелец русский не мудрствует о свободе, но истинно свободен душою; он богат, не чувствуя никаких недостатков; цветет здоровьем, имеет доброе сердце и не знает, что оно есть редкое достоинство в человеке; живет в низкой хижине, им срубленной, и доволен, что она укрывает его от ненастья и холода; работает весело, в надежде на бога, наслаждается покоем в объятиях верной супруги и засыпает сладко под громким пением соловья»¹⁰⁷.

¹⁰⁶ Он же. История государства Российского. СПб., 1843. Кн. 3. Т. 11. С. 51; Т. 10. С. 120.

¹⁰⁷ Он же. Русская старина // Карамзин Н.М. Записки старого московского жителя. С. 273, 282.

Есть все основания полагать, что и в повседневной жизни Карамзин старался соответствовать сформулированным им критериям отношений помещика и крестьянина. Письма И.И. Дмитриеву и друзьям, а также сохранившееся письмо-инструкция крестьянам села Макателем показывают, что историограф старался быть строгим хозяином, вполне соответствуя своим представлениям о необходимости следить за крестьянами, направлять их труд и жизнь, соблюдая их же пользу. Так, Карамзин писал И.И. Дмитриеву в 1819 г.: «Теперь я в хорошем расположении, а вчера был возмущен развратом и пьянством людей своих, так, что отослал одного в полицию для наказания и велел отдать в рекруты. Это зло беспрестанно умножается: от рабства ли? но рабы наших отцов не спивались с кругу. Есть, видно, другая причина; но я недогадлив. Что, если бы Академия Наук или Российская задала ученым решить: в каком отношении находится размножение кабаков к успехам просвещения, нравственности и Веры христианской? Это показалось бы дерзостью в век либеральной. Не знаю, дойдут ли люди до истинной гражданской свободы; но знаю, что путь дальний, и дорога весьма не гладкая»¹⁰⁸. Карамзин видел проблему многомерно и объемно — думается, что это качества одновременно литератора и историка — просвещение народа необходимо, просвещение народа — это дело власти, но дело власти же обращать внимание на отрицательные последствия просвещения. И Карамзин не боялся говорить об этом «в век либеральной», когда представления о просвещении народа становились неременной составляющей сознания всякого мыслящего человека, отмена рабского состояния крестьян постепенно становилась насущной задачей, а о возможных отрицательных последствиях мало кто задумывался. Впереди было восстание декабристов и их антикрепостнические программы, а затем и крестьянские комитеты времени Николая I, о чем Карамзин, естественно, знать не мог. Второй момент, который требует осмысления, выражен словами «что, если бы Академия Наук или Российская задала ученым решить...». Карамзин-историк полагал, что решение этой проблемы возможно усилиями науки.

Письма содержат и замечания мимоходом, что у крестьян вновь неурожай и оброков они заплатить не могут. Но Карамзина никак не назовешь помещиком, вытягивающим из принадлежащих ему земледельцев все соки. В 1822 г. он писал Дмитриеву: «...Сленин меня страшит: не

¹⁰⁸ Карамзин Н.М. Письма к И.И. Дмитриеву. С. 278.

платит денег; а доходом жить здесь [в Петербурге. — *Р. К.*] не можем»¹⁰⁹. Речь шла о деньгах за проданные права на второе издание «Истории» и дороговизне жизни в столице, на что никак не хватало денег, полученных с крестьян. Основной доход давал литературный и издательский труд, а затем к ним прибавились деньги от продажи томов «Истории государства Российского».

«Крепостнические» представления Карамзина не могут быть поняты без этого литературного и бытового контекста, пафосом которого было следование нравственным законам в отношении к человеку, независимо от его сословной принадлежности. Несмотря на то, что не Карамзин первым заговорил в русской литературе о внутреннем мире простого человека, именно ему принадлежит этапное для русской литературы открытие, сделанное в повести «Бедная Лиза», что «и крестьянки любить умеют». Вполне в духе представлений эпохи Просвещения Карамзин полагал, что следование нравственным законам невозможно без просвещения человека, без научения этим законам, поэтому так горек вопрос: «в каком отношении находится размножение кабаков к успехам просвещения, нравственности и Веры христианской?». Просвещение народа должно научить его свободе, без просвещения свобода принесет вред. Карамзин имел возможность не один раз убедиться в этом, наказывая своих дворовых за пьянство, хлопоча за молодого князя П.А. Вяземского, с которым затеяли долгую тяжбу крестьяне по соседству с одним из его имений, и обращаясь к воспоминаниям детства в симбирской деревне, пришедшегося на время пугачевского бунта.

Просвещение народа требовало длительных и постоянных усилий. Просвещение у Карамзина, как и у Н.И. Новикова, — «деятельное». В этом контексте «История государства Российского» выступала как ма штабный, в буквальном смысле слова просветительский проект, реализация которого способствовала бы выстраиванию государства, где различные сословия гармонично сосуществуют, подчиняясь нравственным законам. Именно так Карамзин готовил «Историю», замечая в письме к И.И. Дмитриеву в январе 1820 г. (уже после выхода первых восьми томов и их оглушительного успеха у читающей публики): «Я писал для Русских, для купцов Ростовских, для владельцев Калмыцких, для кре-

¹⁰⁹ Там же. С. 374, 340.

стьян Шереметева (см. имена пренумерантов в VIII т.), а не для Западной Европы»¹¹⁰.

Характеристики, данные Карамзиным крестьянам в их взаимоотношениях с властью помещика и государства, таким образом, не являются отвлеченно-умозрительными, а приобретают актуальный нравственно-нормативный характер и не позволяют рассматривать взгляды Карамзина как однозначно крепостнические. Во всяком случае — требуют значительных уточнений и детализации данной характеристики.

Сочинения Карамзина, написанные о Москве и ее окрестностях, развивали те же просвещенческие идеи, что и «Историческое похвальное слово Екатерине II». Но в работах периода «Вестника Европы» Карамзин выступал уже как вполне сложившийся историк-исследователь, вооруженный знанием источников русской истории и приемов их изучения.

Анализ сочинений Н.М. Карамзина, начиная с его «Московского журнала» и завершая «Историей государства Российского», позволяет реконструировать процесс формирования исторических представлений историографа. Предварительно возможно наметить основные вехи этого процесса:

- начальный период творчества от 1782/1783 гг. и до возвращения из европейского путешествия. В основном это переводы, в которых Карамзину пришлось встретиться с сочинениями, посвященными реальным историческим событиям, с сочинениями, при переводе которых Карамзин осваивал приемы изложения основного авторского текста с сопровождением его справочным аппаратом, примечаниями.
- от издания «Московского журнала» в 1791–1792 гг. и до замысла Похвального слова. «Бедная Лиза» и другие повести, «Письма русского путешественника» свидетельствовали об освоении крупных форм повествования, где мир, выстроенный автором, насыщался подробностями исторического характера, которые могли быть взяты только из исторических трудов и собственного знакомства с источниками.
- период 1801/1802 – 1803 гг., связанный с созданием «Исторического похвального слова Екатерине II» и статей «Вестника Европы». Карамзин представлял публике свои взгляды на идеальное государство

¹¹⁰ Там же. С. 281.

и идеального монарха, подкрепляя их материалом русской и всемирной истории. Он демонстрировал систему приемов работы с крупными комплексами источников и формировал читательскую аудиторию, подготавливая ее интерес к «Истории государства Российского».

— 1803–1826 гг. — годы создания «Истории». Важными событиями внутри этого периода явились подготовка и издание сочинений М.Н. Муравьева, создание записки «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», речь при избрании в Российскую академию. Впервые в российской практике историописания использовались все существовавшие тогда типы исторических источников (если воспользоваться современной их типологической классификацией) и все известные историкам виды письменных источников. Карамзин выступил как автор масштабного исторического труда, а также как публикатор источников, проводивший их источниковедческое исследование и дававший одновременно опыты анализа существовавшей историографии.

Препринт WP19/2013/02
Серия WP19
Исторические исследования

Казаков Роман Борисович

**Приемы историописания в исторических
сочинениях Н.М. Карамзина**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 3,1
Усл. печ. л. 3,2. Заказ № . Изд. № 1540

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»